

18+

Мария Хаустова

ПРОЗА
ЖИЗНИ
ЖЕНЩИН

МАМОЧКА ИЗ 21-ГО БОКСА

Победитель в номинации
«Молодая проза России»

Мария Хаустова

Мамочка из 21-го бокса

«Издательские решения»

Хаустова М.

Мамочка из 21-го бокса / М. Хаустова — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. После рождения недоношенной бездыханной малышки от непутёвого мужа жизнь Маруси Ждановой меняется далеко не в лучшую сторону. Не найдя поддержки у сестры и мамы, она едет в глухой лесной посёлок к своей свекрови, но и там её ждут одни неприятности и мистические совпадения... Как выйдет из сложившейся ситуации провинциальная девушка и кто станет её помощником и проводником в жизнь, об этом и многом другом читайте прямо здесь!

© Хаустова М.

© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Слово к... мужчинам и женщинам	7
Мамочка из 21-го бокса, Или Amore Dei: дневник провинциалки	8
Глава I. Патология	9
Глава II. Покой нам только снится...	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мамочка из 21-го бокса

Мария Хаустова

© Мария Хаустова, 2026

ISBN 978-5-0070-8132-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Мария Александровна Хаустова (в девичестве Коробицына) родилась в городе Кириллове Вологодской области 25 декабря 1987 года. В 2007-м окончила библиотечное отделение Вологодского областного училища культуры, а в 2013-м — филологический факультет Вологодского государственного педагогического университета. Более семи лет работает корреспондентом общественно-политической газеты Кирилловского муниципального района Вологодской области «Новая жизнь», где кроме тем, связанных с криминалом, сферой ЖКХ, молодёжной политикой и мн. др., в течение трёх лет ведёт информационный правовой проект.

Мария является победителем многих информационных конкурсов, среди которых главными считает Конкурс имени В. А. Гиляровского (2008), Всероссийский конкурс «Вызов XXI век» (2009), а также «Живое слово» (2011).

В январе 2016 года у М. Хаустовой в свет выходит сборник рассказов под названием «Осколки детства». В этом же месяце для автора происходит и ещё одно радостное событие — Мария становится одним из победителей литературной премии, учреждённой политической партией Справедливая Россия «В поисках правды и справедливости». За ещё неизданную книгу «Мамочка из 21-го бокса, или Amore Dei» Марию награждают в номинации «Молодая проза России».

Галина Щекина, член Союза российских писателей

Слово к... мужчинам и женщинам

Я не знаю, в чьих руках сейчас находится эта книга. Быть может, в жилистых и мужских, а быть может, в таких же жилистых, но женских. Так уж вышло, что большинство из нас в настоящее время должно работать на износ, чтобы заработать хоть какую-то копейку себе на жизнь. Знаю одно: если вы всё-таки добрались до чтения этой книги, значит, готовы узнать правду. Правду о том, как выживают женщины в российской глубинке.

Не хочу сейчас рассказывать, о чём эта книга, уж больно это вещь неблагодарная. Скажу об истории её создания. Она начала рождаться вместе с моим ребёнком, который захотел выйти на свет на восьмом месяце беременности; в том самом родильном зале, который находится в Кириллове, где я не услышала детского надрывного плача и не ощутила у груди свою малышку. Роды были стремительными, и, оказавшись в новой для себя атмосфере, девочка не могла дышать. Её сердце чётко отбивало такт, но она не дышала! Я помню, как тогда прибежало много-много врачей и все пытались что-то сделать. Самое страшное, когда ты лежишь рядом на медицинском столе и понимаешь, что в этой ситуации ты ничего не можешь сделать и, в принципе, от тебя мало что зависит, а тут ещё и из-за плеча слышишь мужской встревоженный голос: «Чёрт! Розетка для дыхательного не подходит!»

В такие минуты можешь надеяться только на одно — на помощь высших сил! Я никогда не была слишком набожной или религиозной, изредка по воскресеньям и великим праздникам ходила в церковь, но твёрдо верила — Он есть! Быть может, вам покажется странным, но тогда, 19 декабря 2010 года, когда я лежала в родильном отделении под белой простыней и дрожала, как осиновый лист от пережитых чувств, в моей голове произошёл всплеск. Знаете, иногда случается такое — будто резкая вспышка промелькнула и — хоп! — ты уже знаешь, что будет дальше. В этот день в новостях показывали, что 19 декабря у Николая Чудотворца День памяти! Именно его я стала просить о чуде! С дрожью в голосе, с сухими губами, с мурашками на коже и со слезами на глазах. Так, как это умеют только матери. И, знаете, он меня услышал! Малышка закричала.

Вы спросите, автобиографично ли это произведение? Я отвечу вам, нет. Естественно, оно основано на реальных событиях и задумывалось с тем, чтобы поблагодарить врачей, участвовавших в спасении моей Варвары и других детишек. Тем не менее, читая это произведение, помните: все события и герои вымышлены, любые совпадения с реальными личностями случайны!

Мария Хаустова

Мамочка из 21-го бокса, Или Amore Dei: дневник провинциалки

Только имея детей, ты понимаешь, что есть жизнь, которая дороже собственной...

Мария Хаустова

Глава I. Патология

*«Ничто не происходит без причины,
почему это должно произойти,
вместо того чтобы не произойти...»*

Артур Шопенгауэр

Эта зима выдалась на редкость холодной. Казалось, что произнесённое слово тут же замёрзнет в напряжённом воздухе и разобьётся о землю, разлетевшись на тысячи мелких осколков.

Я стояла на остановке и ждала своего троллейбуса. Его всё не было. Припрыгивая то на одной, то на другой ноге, не переставала думать: «А может, мне пешком пойти... Сколько ж можно ждать-то?..»

— Машка! Куда ж ты попрёшься на вокзал, с таким-то животом?! Восьмой месяц — не шутка! — быстро оборвала меня моя любимая подруга Юлька.

— Дак так-то я беременная, а не больная... Если что, мне ещё месяц ходить. Так что это совсем ничего!

В это время к нам подрулил 47-ой. «Господи! И откуда ж вас столько там взялось!» — переполненный транспорт остановился у нашего педа.

В заиндеветых окнах троллейбуса угадывались чьи-то распластанные физиономии, спины, руки... Такая картина меня изрядно расстроила, и я приняла решение отказаться от поездки.

Мороз обжигал мои щёки, пальцы на ногах свернулись, как когти у птиц, которые только что схватили свою добычу и несут её в норку, но, несмотря на всё это, я всё-таки шла пешком.

Куртка не грела, сапоги тоже, варежки... Да, кстати, а где мои варежки? В сумке?.. О-о-о... постоянно их теряю!

Пока я искала свои рукогрейки, мне позвонил телефон. На дисплее высветилось короткое слово, состоящее из трёх букв: «муж».

— Алё, Машунь, ты только не пугайся, я в Вологде.

— Что ты здесь делаешь?

— Я на рынке, сейчас поеду в Москву за товаром, буду торговать одеждой.

— На какие шиши?

— Ой, Маш, это долго рассказывать, всё потом. Пока.

— Нет уж. Говори немедленно — откуда денег взял?

— Кредит...

— Ты с ума сошёл?! Три года вместе живём, мог бы и посоветоваться! Какой кредит? Ты чем отдавать собираешься? В Москву он поехал! Господи! У меня слов нет! Я на сессию еле наскребла, всем миром собирали, а он — кредит! В Москву!..

Но абонент меня уже не слушал. Трубка молчала. Муж тоже. Я шла по заснеженной улице, и по белому лицу катились чёрные, солёные горошины. Чёрт, тушь потекла... Настолько было обидно, что я плакала в глаза всем прохожим.

Некоторые пытались заглядывать в лицо, создавая вид, будто им интересно, что со мной происходит... Большинство же просто пролетали мимо. Я шла вперёд. Маленькая, толстенькая, с сумкой на боку и с длинной русой косой, торчащей из-под шапки, которая так и вихлялась из стороны в сторону.

«Господи! Почему со мной?!..» — кричала я про себя. Вышла замуж, вроде, по любви. Как говорит моя мама, «никто не толкал». А вот ведь! Работать — не хочет, дома делать чего-либо — тоже. Всё-то ему в тягость! А сам — два метра ростом, широкоплечий, красивый. Что тут скажешь — фактурный!

Но это я так скажу, ну ещё Юлька. А вот мама моя скажет по-другому: «Велика Федора, да дура! — и, помолчав, дополнит. — А ведь я же тебе говорила...» И там разговор затянется часа на три. Тут же припомнят о том, что всё-таки меня предупреждали, что мужа надо искать образованного, богатого и вообще — прежде, чем рожать, надо университет окончить!

Конечно-конечно! Только тут вот ещё, что нужно учесть — деньги идут к деньгам, и никогда парень из богатой семьи не будет строить свою жизнь с девушкой, пусть и из образованной, но бедной семьи — это раз, а два — время-то идёт, образование я уже второе получаю, и детей тоже хочется. Но есть, конечно, тут и слово «три». Оно относится к моей свекрови, которая в своё время звонила мне каждый день и так неназойливо спрашивала: «Ну, как? Не беременна? А? Что? Не можешь, что ли? Не получается, да?»

Я, конечно, её переубеждала, что всё я могу, только пока не до этого... Но вот, когда муж начал говорить её словами, что, мол у нас и семья — не семья, мне пришлось сдаться. Мою головушку также стали посещать мысли о материнстве, и в один весенний денёк я всё-таки взяла и забеременела!

Осознание того, что с этим я поторопилась, пришло намного позже...

Сильный холодный ветер хлестал мою спину и швырял в неё клубами снега. Пурга, разыгравшаяся под вечер, так и подгоняла меня вперёд. Огромные торговые центры, в которых копошатся люди; бесконечные остановки; парковки, уставленные машинами, где сидят влюбленные пары и милуются друг с другом; заледенелые скамейки, одинокие киоски и красные ягоды рябины на голом дереве — всё это вызывало во мне чувство тоски и одиночества. Мне хотелось рыдать. Холод пробрал до костей, и так и сковывал всё тело. Насупившись и, прижав к себе сумку, я бежала по улицам. Всё лицо обветрилось и болело, губы потрескались. Я подняла голову и наконец-то увидела... автовокзал!

О, Боги! Какое счастье, что люди придумали автобусы! Тепло... хорошо... Жаль, что это только с мороза так кажется.

Села я на тринадцатое место — ничего не поделаешь, билетик попался, как говорится, счастливый! Повезло, называется! «Но-очь подходит к концу-у, я-а ничего не скажу...» — запел мой мобильник. Я не стала смотреть, кто звонит, ответила сразу.

— Да!

— Ма-аш, не ругайся, я еду домой, — будто хотел меня обрадовать Вадим.

— Вадик! А как же твоя Москва? Торговля? — язвила я.

— Потом расскажу. Купи мне билет до дома... — упрашивал он.

— Какой билет? Я уже из города выехала, домой мчусь! — смотрела я в окно автобуса.

— Тогда я на такси поеду! — с вызовом ответил муж.

— Конечно! Езжай! У тебя денег куры не клюют! Вперёд!

Я бросила трубку, а потом и вовсе — отключила телефон.

Воздух в салоне становился всё тяжелее, и дышать приходилось с большим трудом. Автобус дрожал и вибрировал. Ребёнок в моём животе поднялся к самому верху, и я уже не могла сидеть, дышать, двигаться.

Мне не хватало воздуха, места, и... терпения. Не переставая наглаживать живот, я смотрела по сторонам и ждала, когда же, наконец, покажутся знакомые места. И вот! И вот! Ур-р-ра! Доехала! Остановка! Прощай, душный автобус! Здравствуй, холодная, но любимая улица!

Из транспорта я еле вышла и сразу ощутила скользкую поверхность дороги. Мои ноги разъезжались в разные стороны, как у коровы из советских мультфильмов. Ребёнок продол-

жал бушевать в животе, и я, успокаивая сама себя, ползла по тёмным улицам. Приехала-то на последнем, а фонари горят далеко не везде...

Вот и мамин дом показался... Благоустроенный. Я здесь всю жизнь прожила — до девятнадцати! Потом замуж вышла — жили на съёмных. А недавно бабушка умерла, продали её квартиру в деревне, и мне купили в нашем городке. Только у бабушки была трёхкомнатная, со всеми удобствами... А у меня — в деревянном доме, с соседями-алкоголиками-зэками, с двумя огромными печками-столбьянками и с окнами «сорок сантиметров до земли». В общем, вот такая у меня хибара. Общей площадью 31 квадратный метр! Завидовать, конечно, нечему! Но это лучше, чем платить какому-то дяденьке за аренду или и вовсе жить с родителями. Ах, да... Ещё я забыла сказать, что я никогда не искала лёгких путей. А, если б и искала — не нашла! Вот как-то так.

Мамин дом я прошла — нечего мне там делать. Я уже давно отрезанный ломоть, хоть иногда и хожу к ним «на обед». Иду. Страшно. Темно. Мужик еще какой-то сзади тащится... Скользкая-а-а! Как и дойти, не знаю.

Дошла. Захожу в дом. В подъезде все бревенчатые стены в инее. Блестят. Стены блестят, а света нет. Это дверей в подъезде нет — так за счёт луны у нас освещение. Нашупала замок. Нашла ключ. Открыла. Запёрлась в квартиру, включила свет. Замерла. Стояла долго. Молчала. Выпучивала глаза. Открывала рот. Потом ревела навзрыд.

В воздухе стоял пар. Пар не от печей столбовых, а от речей горевых. Рот откроешь, а оттуда — дымок. Дома — холодина, поморозня! На стенах — иней. На полу — бутылки. На кровати — окурки. Всё в каких-то крошках, склянках, консервных банках... Такое ощущение, что Мамай тут не только прошёлся, но и ночевал пару тройку раз...

Я на сессии — у Вадима разгул! Хорошо же ты жену ждёшь! Каких, наверно, алкашей тут только не было — представляю! Колоритные персонажи!

Ком подкатился к горлу, и от обиды мне хотелось кричать. Не зная, что делать, я схватила сумку и понеслась к маме. Только она мне поможет и не откажет. Ведь не буду ж ночевать на восьмом месяце беременности в холодной избе, на ледяной постели...

Дорога к отчему дому показалась наикратчайшей. Переполненная эмоциями я вмиг домчалась до мамы. Но как войти? Как постучать? Снова выслушивать её язвительные речи?.. Ну, что ж... Придётся...

Дверь открыла сестра.

— Танька, — сказала я тихим, подавленным голосом, — я заночую у вас...

— А что? Опять твой мужёнок где-то шляется? Сколько раз говорили тебе...

— Хватит. Я устала, а эти темы мы обсуждали уже тысячу раз! Как будто уже и говорить не о чем! — бормотала я, сидя у двери на мягоньком пуфике.

Вышла мама.

— Машенька... Почему ты не дома? Вадик где?

Слёзы непроизвольно хлынули из моих глаз. Поверженная, я встала с пуфа, снова натянула сапоги, хлопнула дверью и убежала из дома. На улице шёл снег. Хлопьями. Я ловила его ладонями и размазывала по лицу.

«Господи, ну почему я? Почему столько несправедливости? Почему я должна краснеть за своего мужа и тянуть лямку в гордом одиночестве?..» — эти вопросы мучили меня всю дорогу. Я шагала по мрачной улице, но мне не было страшно. Горечь обиды затмила всё.

Незаметно для себя я добрела до дома. Иней по-прежнему блестел при свете луны на стенах общего коридора. Захлёбываясь от слёз, я пыталась найти ключ, который зачем-то ещё тогда сунула под коврик. Ключа не было. Замок висел. Хм... Может, он всё-таки приехал?..

Включаю телефон. Звоню. Абонент не доступен. Начинаю нервничать ещё больше. Ребёнок пинается в животе с такой силой, что с лёгкостью могу определить рукой или ногой он

это сделал... Оборачиваюсь — в дверном проёме еле видна улица — крошечная тьма. Выткни глаз, называется. Домой не попасть, к маме — стыдно. Что делать — ума не приложу... Поплелась обратно.

У мамы всё так же горел свет — во всех окнах, как на корабле... Эх, была — не была.

— Ма-ма-а, — не выдержала я и рухнула к ней в объятия.

— Не переживай, Машенька, — вытирала мне слезы мать. — Перемелется — мука будет. Успокойся. Уж я-то всегда буду с тобой. Пойдем, я тебя накормлю да спать уложу.

Я за стол села, а кусок в горло не лезет — не спокойно что-то на душе. Думаю всё: приехал — не приехал?.. Вот уже и постель мне разложили, надо раздеваться, да укладываться... А я всё думаю, думаю...

Мама не выдержала:

— Иди, ещё раз туда сходи. Танька с тобой пойдёт. Не могу смотреть на тебя! Это ж надо за такого козла так переживать! Он вон о тебе не сильно-то беспокоится!

По густой темноте мы с сестрой добрались до дома. Свет горел в моих окнах, и на дверях уже не было замка. Интересно...

Приоткрыв дверь, я увидела сидящего на корточках мужа, который жадно курил сигарету. Тут я уже не могла сдержаться:

— Где ты был?!

— Здесь...

— Как здесь? Я приходила! Тебя не было! Зачем ты врешь?

— Я напугался, что ты будешь ругать меня, а, когда услышал, что подходишь к дому, спрятался за углом; дождался твоего ухода и пришёл сюда...

— Господи! Да как у тебя хватает наглости говорить мне об этом! Я с таким животом должна таскаться по ночной, холодной улице, когда у меня есть своя собственная квартира! Да как тебе не стыдно?! Чтоб завтра же тебя здесь не было! Зачем мне нужен такой муж?! Ты ничтожество! Ты никто! И звать тебя никак! А что ты устроил в моей квартире? Что за сабантуи тут проходили? Так ты ждёшь свою беременную жену?! — держась за свой огромный живот, кричала я.

— Машенька, Машуня... Успокойся. Прости меня... Пожалуйста (он встал на колени и зарыдал). Я сейчас всё приберу. Ты видишь — я уже затопил обе печи... Я всё приберу. Будет тепло и чисто. Не надо. Разреши мне остаться. Милая, пожалуйста... Я виноват. Очень. Я исправлюсь, — умолял он меня, жалобно скуля.

— Сколько можно тебя прощать? Ты каждый раз говоришь, что исправишься! И каждый раз у тебя последний. Ты постоянно винишь себя в произошедшем, но никогда не изменишься. Вадик, пойми, отношение порождает отношение. Как ты ко мне относишься, так и я буду. Мне тяжело: я езжу на сессию, денег мало, иногда приходится голодать... Вечные недосыпы, трудные экзамены... И ещё ты со своими выкидонами! А ведь я беременна! Как ты можешь так себя вести?! Это не позволительно! Как ты можешь?! — начинали слезиться мои глаза.

Когда я кричу, он обычно молчит. Так было и в этот раз. Сначала он сидел с поникшим видом, а потом просил прощения: говорил добрые слова, смотрел виноватыми глазами и снова умолял его простить.

Вдруг неожиданно взялся за приборку: помыл полы и посуду, вынес помойные вёдра и даже приготовил поесть... На часах было три утра. Я простила.

Несмотря на то, что я так поздно легла спать, проснулась в одиннадцать. Окинула взором комнату — на окнах был узор. Значит, на улице мороз...

Встали. За стеклом светило солнце, а муж уже топил печь. Вроде, всё устаканилось. Мы с Вадиком вместе. День хороший. Всё сделано-приготовлено. Все живы-здоровы, но всё равно, что-то не то... А что? Никак не разберу... Может, кажется просто?

— Вадь, что-то у меня предчувствие нехорошее какое-то...

— Какое?

— Будто что-то произойдет...

— Да перестань! Что может случиться?

— Ну, не знаю... А вдруг я рожу сегодня?

— Смеёшься? Тебе ещё месяц ходить. Вот у меня так, кажется, температура...

Дала ему градусник, измерили — и точно: 38 и 5.

— Ладно, сиди дома, топи печи... Я в аптеку сгоняю.

— Хорошо, любимая. Ты потихонечку...

На улице подмораживало. Я натянула тёплые рейтузы под штаны, вязаный джемпер поверх старой водолазки, а на ножки — носки из собачьей шерсти. Теперь не замерзну!

У выхода вдруг затянуло живот и будто что-то горячее вылилось из меня. «О, Господи... Что это? Неужели уже недержание...» — подумала я.

— Вадя, у меня, кажется, воды отходят, — сказала я мужу.

— Да что ты выдумываешь?! Какие воды? Восьмой месяц! Успокойся! Показалось, наверно... — успокаивал он меня.

— Думаешь?.. Ну, раз так — я пошла, — хлопнув дверью, ответила своему благоверному и выбежала на улицу.

Снег хрустел под ногами, а мои зрачки расширились от страха и удивления. Из меня текла вода. «Нет-нет-нет. Только не сейчас. У меня завтра последний экзамен. Нет-нет-нет. Мне кажется. Сейчас всё пройдёт», — уговаривала я себя. Большими шагами пошпарила к маме. Влетаю в прихожую и заявляю:

— Мам, или у меня с головой не в порядке, или я рожаю!

— А что случилось? С чего ты взяла? — её затрясло от волнения.

— Как с чего? Воды отошли! Вот с чего!

— Танька, беги с Машей в больницу! — быстро скомандовала мать.

Меня переодели, выдали подкладное и отправили по назначению.

Мы с сестрой шли по городу. Я помню, было 19-е декабря. На главной площади уже стояла ёлка. Люди спешили кто куда, а мы неслись в роддом.

«Вот, привела вам!» — сказала Танюха медсестре, вышедшей к нам навстречу. Меня потряхивало от страха — я всегда боялась неизвестности.

— Проходи, не бойся, — встретила меня акушерка. — Болит что-нибудь?

— Нет, ничего... Абсолютно ничего, — отвечала я.

— Ну, подожди, скоро начнётся... — успокаивала меня она.

Мне выдали большой, дырявый халат, который по идее должен быть с поясом, но предыдущая роженица его потеряла, и поэтому приходилось всё время его запахивать. На ноги кинули тапки сорок последнего размера, когда у меня тридцать шестой. Как в армии прямо!..

Помню, мама учила, когда воды отойдут — не садись, ходи, быстрее родишь. Так больше и не присела. Маленькая стрелка часов остановилась на тройке, а большая пробежала ещё две цифры. Медики в своих документах записали: «Поступила в 15:25».

В коридоре за столиком сидела акушерка, которая в это время осталась на смене одна... Хотя нет, ещё санитарка была. Но она не в счёт — весьма тугоухая и нерасторопная женщина. Я ходила взад и вперёд, взад и вперёд по коридору, каждый раз натываясь на свою акушерку Людмилу Владимировну, пока та не сказала:

— Да посиди, ты, наконец!

— А можно? — удивившись, поинтересовалась я.

— Конечно, можно! У тебя даже еще схваток нет. Хотя странно. Сейчас мы что-нибудь придумаем... — она порхнула в кабинет в своём белом халате.

Мне сделали несколько стимулирующих уколов, и процесс, как говорится, пошёл. Все зануло, заболело, но, видимо, у моего организма есть защитная реакция — смех! Мне больно, а я смеюсь, песни пою. Схватка начнётся — постою, подышу, прошла — снова смешно. Санитарка, проходя мимо меня с эмалированным ведром, обернулась: «Ну, эта ещё долго не родит! Всё-т смешно, вот, погоди, скоро не до смеху будет!...»

И, правда, скоро стало совсем не до смеху.

На протяжении схваток меня периодически приходил проверять мой врач-гинеколог. Мужчина невысокого роста, с сильными руками и чёрными, как уголь, глазами. Его на приёме всегда хвалили. Мол, внимательный такой, добрый, учтивый. А я всё равно стеснялась, всегда думала: «Господи, хоть бы не у мужика рожать! Со стыда ведь сгорю! И вот на тебе — пожалуйста! Владимир Анатольевич! Собственной персоной! Ну что, Маруся? Стыдно? Нет? Не до этого? Не до этого!»

— Посмотрите, Владимир Анатольевич, как там? — завидев его в дверях своей палаты, попросила я.

Он уложил меня на кушетку, и запихнул пальцы туда... Я почувствовала боль, а он сухо констатировал: «Всё идёт по плану». А потом обратился к акушерке: «Вызовете меня часа через два».

В моей голове даже не промелькнула мысль: «Почему именно через два?»

Я продолжала балансировать по коридору и считать половицы. Замечала, что в некоторых местах они расходятся, а многие доски так и вообще прохудились, и не мешало бы их заменить...

Схватки шли одна за другой, и всё учащались и учащались. Теперь у меня появилось новое занятие — я должна была засекал время между ними, а также их продолжительность, и об этом сообщать Людмиле Владимировне. Это разнообразие внесло в мою жизнь оживление. И, причём, не только в мою, но и в жизнь медицинского персонала.

В перерыве, когда могла дышать спокойно, умудрялась говорить по мобильнику, обзванивая всех родных и близких. Сразу скажу: муж не поверил, что я в роддоме, и решил, что попросту прикалываюсь над ним, подметив, что на мои шутки «больше не ведётся». Правда, пока ему не позвонила моя мама и не сообщила об этом в другой форме, на что он испуганно заголосил: «А что делать мне?»

Мама предложила ему короткий план действий, который уместился в одном слове: «Ждать!» Он же названивал мне и пытался как-то подбодрить и успокоить. Схватки учащались. Я выключила телефон.

— Людмила Владимировна, я в туалет хочу! Ой-ё-ёй, как хочу! — проговорила я, скрепя зубами от боли.

— Сильно хочешь, говоришь?.. Да? — подошла она ко мне.

— Да! Очень сильно хочу! — держалась я за металлическую спинку кровати.

«Зинаида!» — крикнула санитарку Людмила. «Зинаида-а-а», — позвала её снова она. Та, как обычно, ничего не слышала. «Зинаида!» — со злостью в голосе прокричала в третий раз акушерка.

— Ну, наконец-то! Где ты ходишь?! — высказала откуда-то появившейся Зинке Людмила Владимировна.

— Простите, я не слышала, — оправдывалась та перед нами.

— Не до твоих объяснений. Готовь роженицу! — кинула ей акушерка.

Зинка притащила мне синие бахилы на ноги, такого же цвета сорочку и шапку. По кой леший мне ваша шапка?! У меня волосы и так в косу убраны...

— На чем рожать будешь? На кровати или на кресле? — приподнимала брови Людмила.

— На кресле. На нём ведь легче? — с надеждой в голосе проговорила я.

— Наверно, легче. Попробуй, — раздвигая его, соглашалась со мной акушерка.

И вот картина маслом. Лежу я на этом кресле. Зинка мне чулки какие-то натягивает, Людмила ногу держит, да приговаривает: «Тужься-тужься...» А я и не понимаю: «Неужели сейчас всё начнётся...»

Я как на это кресло забралась, мною такое спокойствие овладело, будто ничего мне больше и делать не надо. Всё. Баста! Лежу — помалкиваю. От схваток устала уже. А акушерка опять за свое: «Тужься, Маша. Пробуй!»

Санитарка мне под голову положила свою руку. Костлявую. Тонкую. Неудобно — жуть! А сказать ничего не могу и пошевелиться тоже не могу — боль дикая!

Влетает мой любимый гинеколог! Мужчина! О, как я тебя ждала! Оказывается, я тебя ждала.

— Почему не позвонили?! Я как чувствовал, что раньше начнётся! Как чувствовал! Так, Маша, теперь ты поступаешь в моё распоряжение! Приказы здесь отдаю я, твоя задача — их чётко выполнять! Если будешь что-то делать не так — буду орать, ругаться и топтать ногами.

— Орите, мне-то что. Я к этому привычная, у меня мама такая же... — как будто само собой разумеющееся приняла я его слова.

Гинеколог оттолкнул капарую санитарку, обхватил меня где-то под руками и подтащил наверх. «О, Господи, спасибо, что ты послал мне на роды мужчину! Сильного! Уверенного! Его уверенность передалась и мне!» — именно так я думала в тот момент.

«Маша, Маша... Отдышись! Отдышись и начинай сначала!» — говорили мне мои родильные помощники. А я запыхалась вся. Ведь и знаю, что вверх тужиться нельзя, а разве, когда выбьешься из сил, сможешь делать так, как надо? Вот и я не смогла. Лежу, и, кажется, что голова сейчас лопнет, а глаза так и вылезут из орбит. Ну, думаю, и видок, наверно, у меня сейчас. Я взяла да и глазоньки-то свои прикрыла... А они такие горячие, аж веки жжёт!

«Маша! Машенька! Машуня!» — кричал меня врач. Напугался. Видно, подумал, что сознание потеряла... А я глаза открыла, да и спрашиваю нагловатым тоном: «Ну, чего? И глаза уж нельзя закрыть?!» «Ф-фу, — выдохнул гинеколог. — Ты и здесь в своём репертуаре. Маша, ты без шуточек вообще можешь? Давай тужься, недолго уже осталось».

Тужиться-то я тужусь, а вот дыхания-то мне не хватает. Знаю, что носом нужно дышать, а ртом-то удобнее!

«Не дыши ртом! — заорал на меня врач. — Не дыши! Кому говорю, не дыши!» Закрыв он мой рот своей огромной пятерней и не отпускал, пока головка не показалась...

«Давай, Машуня, брюнетку родишь! Давай-давай! Ты сможешь!» — говорил мне врач. На мгновение мне показалось, что не смогу. Нет сил. Закончились. Но всё-таки я взяла себя в руки и решила сделать последний рывок — порвусь, так порвусь! Будь что будет!

Мои ноги держали врачи и тянули их в разные стороны. Но моей силы было больше! Непроизвольно ноги притягивались друг к другу, и акушерка выпалила мне:

— Ну и сильная же ты, Маруся!

— Так ведь это ж не специально, — поникла я.

— Ещё бы ты делала это специально, — со смехом выпалила Людмила.

«Э-э-э-э!» — только и вырвалось из моей груди. Я поняла, что всё-таки без разрывов не обойдется, и выдохнула так, как только хватило сил. Что-то большое прошло через меня и выплыло дельфином наружу. Родила. Но что же? Почему она молчит? Малышку унесли на другой стол. Он был подальше от меня.

«Дыши, дыши! Ну, малютка!» — хлопала новорожденную по попке и ножкам Людмила Владимировна. Сердце стучит, а не дышит! У меня всё как в тумане. Только слышу голоса: «Ну что ж ты! Ну, давай!»

Зинка стояла в полуобморочном состоянии: такое ощущение, что она видела новорожденного в первый раз. Я молчала. Смотрела на акушерку, пытающуюся что-то сделать с моим ребёнком, и молчала. Я выбилась из сил. Гинеколог вспомнил про меня и спросил настороженным голосом:

— Укол делали?

— Какой? — еле слышно произнесла я.

— Всё с тобой понятно.

«Зинаида, неси укол! Зинаида! Зинаида! Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! Ты долго будешь стоять?» — кричал на санитарку мой любимый врач. Та метнулась за лекарством. «Держи жгут! Держи жгут! Я сказал, жгут держи!» — снова говорил он Зинаиде.

Владимир Анатольевич ввёл мне лекарство для сокращения матки. «Отпускай! Отпускай! Господи! Что за дур-ра?! Жгут отпускай! — слышала я сквозь пелену, стоящую перед глазами. — Ну, всё... Теперь синяк будет!»

Гинеколог снова убежал к моей девочке. Она всё-т не дышала. Какой-то трубочкой он прослушал её сердце — оно чётко отбивало такт: «Странно... Почему она не дышит?..»

Малышке моей процедуры какие-то делают восстанавливающие, а я лежу на столе, трясусь как осиновый лист — то ли от перенапряжения, то ли от избытка нервов — не знаю.

«Несите дыхательный аппарат! — слышу я. — Чёрт! Розетка не подходит!» После этих слов у меня онемели руки. Откуда-то прибежало много-много врачей, или мне так показалось в тот момент, что их было очень много. Мою малютку унесли в другой кабинет, я осталась наедине со своими мыслями и чувствами. Я дрожала от каждого шороха, прислушивалась к шагам, которые неслись из коридора, боялась, когда открывались двери в мою палату. И тишины я тоже боялась. Я не знала ни одной молитвы, и молилась своими словами. Я просила Бога, чтобы моя девочка выжила. И тут вспомнила — утром по телевизору показывали сюжет о Николае Чудотворце, будто б сегодня, 19 декабря, у него день памяти!

«Николай Чудотворец, помоги! Спаси! Прошу тебя!» — кричала я без слов. Хотите — верьте, хотите — нет: совпадение это, мастерство врачей или промысел Божий, но девочка закричала!

В палату вошла акушерка и сказала: «Маша, девочка дышит самостоятельно, двигается, глазки открыла, но ничего обещать не могу...» Было такое ощущение, что после этих слов я и сама ожила, правда, въелось в сознание это зловещее «ничего обещать не могу». «А реанимацию вызвали?!» — спохватилась я. «Конечно, вызвали! Едут уже!» — таков был ответ на мой вопрос.

В родовую, где я до сих пор лежала с растопыренными ногами и льдом на животе, вошла тугоухая санитарка.

— Зинаида... Зинаида... Зинаида!!! — пыталась я до неё докричаться.

— А? Что? — полоротая женщина посмотрела на меня.

— Подайте мне, пожалуйста, мой мобильный телефон, — тихо попросила я её.

— Что? — не понимала она.

— Подайте, говорю, телефон! — с раздражением сказала я.

— А! Телефон! Вот... возьмите, — она протянула мне его.

Я включила свой мобильник — на дисплее замелькала куча непринятых вызовов, и я выбирала из списка контактов, кому позвонить... В это время зашел Владимир Анатольевич, и спросил добрым голосом:

— Ну, кого радуем?..

— Радует? Да разве радуем?.. Она же не дышит... — лежа на медицинском кресле, всхлипывала я.

— Как это не дышит? Она вон розовенькая у тебя вся лежит, сама дышит, ручками-ножками двигает! Ты, что, Машуня?! Всё будет хорошо. Дай-ка я тебя посмотрю, а то с этой бегойней все про тебя и забыли, — подошёл он ко мне.

— О-о-о, да тут придётся зашивать... — нахмутив брови, произнёс гинеколог.

— Что? Правда? — с видом испуганного ребёнка спросила я.

— Что ж я тебя обманывать, что ли, буду? Сказал «надо», значит — надо!

— Ну, раз надо, штопайте! — пыталась я шутить.

Он провёл мне антисептиком по ране. Я вскрикнула.

— Что ж ты кричишь-то? Рожала — ни звука не проронила, а тут что?

— Так щиплет очень. Больно же... — жаловалась я.

Я слышала, как скрипела иголка, прокалывая мою кожу, но было не больно. Было терпимо. Врач ушел.

— Алё, мама! Ма-ма! — сдавленным голосом произносила я.

— Ну, как ты, доченька? Я звоню — у тебя всё выключено. Что с тобой? Родила? Ну, не молчи! — встревожено твердила мать.

— Да, мама, родила... Только она не дышит. То есть не дышала сначала, — проглатывая ком горечи, отвечала я.

— А сейчас дышит? Сейчас дышит? Ну?! Не молчи! Ма-ша! Не молчи!

— Дышит, мама, дышит. Только врачи ничего не обещают. Говорят, что это ненадолго. Мама... — плакала я.

— Так! Не переживай! Все будет хорошо! Сама говоришь — дышит! Это самое главное. Сколько вес? Рост?

— Мама! Какой вес? Какой рост? Её еле откачали! — бросила я трубку.

Очень хотелось заплакать, но я не могла себе этого позволить. За мной пришла Людмила Владимировна и перевела в послеродовое отделение. На улице была ночь. В палате стоял сумрак. Где-то в углу горела тусклая лампа, и её свет падал на тёмно-зелёные стены палаты. В этом помещении я была не одна. Там лежала женщина с ребёнком. Меня бросало в дрожь от того, что рядом с ней в малюсенькой кроватке находился младенец, а рядом с моей кроватью — пустая люлька.

Как только я присела на кровать, почувствовала, что она сейчас же сломается. Медные пружины отпустили меня почти до пола, а потом подкинули вверх. «Ёпт!» — вырвалось из моих уст.

— Машка, ты, что ли? — послышалось с другой кровати.

— Я... А ты кто? — вглядывалась я в туманную видимость.

— Ты — что? Не узнала меня, что ли? — выглянула она на свет.

— Ф-фу-ты! Аля?! Ты? Ну, ничего себе — встреча. А ты чего здесь делаешь?

— Я вчера родила! Второго! — улыбаясь во весь рот, рассказывала она.

— Здорово! Поздравляю! А у меня, видишь, как... — укладывалась поудобнее на узенькой кроватке я.

— Что случилось? Я всю ночь не сплю. Слушаю... слушаю. А всё тишина. Ни тебя, ни ребёнка не слышно. Ты даже не кричала? — под села она ко мне.

— А чего кричать-то? Зачем? — смотрела я снизу вверх.

— Ну, не знаю, тут одна так так орала!.. Я думала, у неё перепонки лопнут, — отвлекала меня Аля.

— Нет, я не из таких. Всё вытерпела. Теперь вот опять терпеть надо — ждать, что будет дальше, — озидала я зелёную палату.

— Успокойся. Всё будет хорошо. Не волнуйся. Там, наверно, реанимация уже едет. Не переживай, — Алька заглядывала в окно рядом с моей кроватью.

— Да... не переживай... — по инерции повторилось у меня.

Я ждала реанимацию. Минуты тянулись как часы. Вдруг по коридору промчались люди. Я поняла, что это приехали врачи из областной больницы. Через некоторое время ко мне подошла женщина-врач и спросила странным тихим голосом: «Встать можете?» Во мне все опустилось, и сдавленным голосом я сказала: «Могу». Я шла за ней по коридору и не знала, чего ожидать. Меня бросало из стороны в сторону и подташнивало от нервов.

За кучей разбросанных по столу бумаг восседала худенькая медсестра:

— Разрешение на транспортировку ребёнка и дальнейшее обследование подпишете?»

— Ф-ф-фу! Слава Богу! — вздохнула с облегчением я, взяв шариковую ручку из какого-то стеклянного стакана, приспособленного для этих нужд, и сделав пару закорючек в документе.

— Можете посмотреть на малышку, — предложила мне медицинская сестра.

Я вошла в кабинет, в котором находилась моя доченька. Я видела её в первый раз: большие чёрные глаза, маленький носик, сама, как пуговка — такая маленькая-маленькая. «Ой, а моего и нет ничего. Вся в отца», — пронеслось у меня в голове. Она же лежала в каких-то проводках, подсоединенных к датчикам, измеряющим её пульс, давление...

За мной снова пришли, чтобы я заполнила остальные документы. «Графа „Ф.И.О. пациента“ — м-да, только родилась, а уже пациент, и вес у пациента „соответствует“ новому званию», — подумала я.

«Пациент» — два с половиной килограмма! Нарекла Варварой, не знаю почему, но мне казалось, что это имя сильного человека.

Когда молодые врачи из Вологды увозили Варюшку с собой, помню, я сказала: «Девочки, ради Бога доведите! Только доведите!»

Три дня Варя провела в областной реанимации, а я — в районной больнице. Я почти не спала. Меня предупредили, что узнавать о состоянии ребёнка, могу только один раз в день. Но моё сердце не выдерживало, и я звонила намного чаще. В ответ слышала одно и то же: «Состояние стабильное, дыхание пуэрильное, пульс в норме...»

Тогда я спрашивала у врачей: «Так ей лучше? Уже можно не волноваться? Всё будет хорошо?» И так хотелось услышать с того конца: «Да, конечно, всё будет хорошо!» Но, видимо, медики не вправе давать надежду, и как-то раз мне ответили грубо: «Женщина, у вас ребёнок в реанимации! Какое хорошо?! О чём Вы говорите!»

Я положила трубку и уткнулась в подушку. Слёзы катились горошинами, и белая наволочка быстро впитывала в себя мою боль. Не случившуюся истерику предотвратила молоденькая медсестра. «Маша, к тебе мама пришла, выйди», — попросила она.

Заплаканная и обессиленная, я еле встала с постели, посмотрела в окно — высокие сугробы белели пуше прежнего, голубые ели проглядывали из-под снежных шуб, а в зимнем воздухе звенел мороз, — и, сделав глубокий вдох, поплелась в коридор.

— Иди ко мне, моя девочка, — прошептала мама, обняв меня своими тёплыми руками. — Всё будет хорошо. Варюшка теперь в области. Там врачи. Там аппаратура. Её спасут. Учёбу позже закончишь. Возьмешь академический и закончишь. Об этом дак даже и не думай.

«Мария! Обед!» — позвала меня Людмила Владимировна.

— Иди, поешь. Чего еще пропадать? — сказала мама. — Я тебя подожду здесь.

Я послушно проследовала в столовую. Кухня находилась рядом с выходом, да к тому же двери были приоткрыты, что позволяло мне слышать всё, что происходит в том месте.

В столовой стоял телевизор, по которому в момент моего прихода показывали передачу про детей-инвалидов. Один мальчик рисовал ногами, другой еле двигался, но решал нитруд-

нейшие математические задачи... Меня переключило. Есть не хочу — какая еда?! У меня ребёнок в реанимации... Вдруг слышу, к маме подошла Людмила и говорит ей: «Ни-на, у девочки-то, наверно, кровоизлияние в мозг... Как бы душой не была. Велика вероятность...»

В это время я отхлебнула из стакана глоток компота. Проглотить его уже не смогла. Выплюнула в цветок. Слёзы градом высыпали на моё лицо. Я покраснела, но не проронила ни звука. Стояла в столовой и слушала дальнейший разговор.

— Да что ты такое говоришь-то, Люда? Всё у нашей малышки будет хорошо. Я слышала, что в этот период у детей огромные компенсаторные возможности. Она выкарабкается, — повышала тон моя мать.

— Да хорошо бы, конечно... Но я ничего обещать не могу, — запиналась та.

— Да тебя ни о чём и не просят! — отрезала мама.

Я вытерла слёзы и, сделав вид, как ни в чём не бывало, вышла к маме. Та сидела раскрасневшаяся и пыщущая жаром. Людмила ушла.

Кто-то позвонил в звонок родовой. Я открыла. Стоял мужчина с цветами. «Я на выписку. К Кате!» — произнёс он. «Сейчас позову», — ответила я.

Мамочку с ребёнком вывела Людмила. Радостный муж встречал жену с сыном, а мы с мамой, глотая ком обиды, по-прежнему сидели на лавочке и завидовали молодым.

«Почему у меня всё не так? За что мне это?» — жалела себя я. Жаль, ответа дать никто не мог... Я вернулась в палату.

Потом был полдник. Меня снова позвали. На этот раз трапезничать я пошла с Алей. В это время поступила ещё одна роженица, по виду — далеко не из благополучного семейства. Не знаю, как её звали. Мне было не интересно. Знаю одно — она переживала свой срок и никак не могла разродиться.

Грубым, мужиковатым голосом новенькая спросила у Али:

— Где твой ребёнок?

— Да вон, в кроватке лежит, — ответила та, указывая рукой в сторону нашей палаты.

— А твой? — спросил меня противный, прокуренный голос.

— А мой на гастролях... катается! — ответила я.

— Как это? — докопалась она до меня.

— А вот так, не твоё дело! — одёрнула её Аля.

Я не ела уже три дня, только пила напитки; вымоталась и устала, но меня всё-т не выпиывали. Я ждала. На третий день направили сдавать анализы. Результаты не порадовали. Плохое. Несмотря на это, я продолжала выпрашивать, чтобы меня выписывали немедленно. И на это у меня имелись свои весомые причины. Во-первых, находиться вдали от ребёнка оказалось невыносимым, а, во-вторых, уже завтра Варюшку переводили на отделение. Название, конечно, страшное — «Патология новорожденных», но это лучше, чем «Реанимация»...

«Вот пересдашь анализы и поедешь», — отчеканили врачи.

Ко мне пришёл муж, принёс подарков, сладостей — и всё бы ничего... Только смотрю на него, а он чужой-пречужой, будто и не мой вовсе...

Вадик ездил сегодня в Вологду. Только что приехал. Оказывается, его даже в реанимацию пустили:

— Маша! Во-от такая... (он сделал из ладоней лодочку) Маленькая-маленькая! Лежит в этом коробе клубочком... Голенькая. Мне её так жалко! Так жалко! Такая хорошенькая! Я с врачом говорил...

— Ну?! И что врач сказал? — теребила я его.

— Так нет у неё никакого кровоизлияния в мозг! И намёка даже не было. Мне так врач и сказал. Мы, говорит, её всю «от и до» проверили! Всё нормально. Только ишемийка небольшая. Капельницы поделают, и она пройдёт. А не дышала, потому что быстро прошла родовые пути, и не поняла, что оказалась в другой атмосфере. У нас здоровый ребёнок! — радовался он.

— Слава Богу! Он услышал мои молитвы, — шептала я.

У Вадика запершило в горле, и он кашлянул. Людмила услышала: «Так. Это кто здесь бациллы разносит?! А ну — руки в ноги, и отсюда! Будете мне тут ещё мамочек заражать!»

Он не противоречил. Быстро встал, окинул меня взглядом и удалился. Я степенными шагами, как раба, пошла в свою комнату. Долго стояла у окна и смотрела на летящий с неба снег. Я молилась, не зная слов. Просто... просила Бога сохранить для меня мою девочку, оставить её в живых.

Я пересдала анализы, но ничего хорошего из этого не вышло. Результат остался неизменным, но, несмотря на это, меня выписали, назначив курс лечения. Был вечер. За мной пришла мама. Мы собрали все мои кули с одеждой и едой, и я, наконец-то, смогла переодеться из халата в нормальную одежду. Но что это? Старые штаны и джемпер болтались на мне, как на вешалке. Мама прослезилась:

— Бедная моя девочка, тебя всю извело...

— Ничего, мама, всё будет хорошо! — ответила я.

— И этот козёл опять где-то шляется... Маша, брось ты его! Зачем он тебе нужен?! — дополнила мать.

Мы шли по заснеженным улицам, в небе ярко светили звёзды, и месяц освещал нам путь. Мне хотелось бежать быстро-быстро, чтоб, как можно скорее удалиться от этой злополучной больницы... О муже думать вообще не хотелось. Он в это время гулял в кабаке — у него ж дочка родилась!

Мы пошли к маме. Там меня встретила сестра с её гражданским мужем и дочкой, да... и кот ещё. Родные стены помогают. Мне захотелось жить. Я понимала, что это последний спокойный вечер. Завтра всё изменится. Я легла на свою любимую кровать и долго лежала, не закрывая глаза. Какое счастье спать в родительском доме! Неописуемое! Как и прежде, можно было высунуть голову из-под одеяла и смотреть в большое окно, в которое падал луч от фонаря, и где виднелись ветви качающейся на ветру берёзы. Рядом со мной спала мама. И так от этого было тепло... Я уснула.

По утру начались сборы, после которых должна была случиться поездка в Вологду. Меня всё-таки провожал муж. Он довёз свою жёнушку до места и оставил в больнице. Нажал на кнопку «Вызов медперсонала», помог подняться на второй этаж и, вручив мои кули с одеждой, исчез.

Первой, кто меня встретил, была молочная медсестра Людмила Александровна. Я шла за ней по коридору, а она, как экскурсовод, твердила: «Вот кухня, здесь санитарная, там ординаторская, далее процедурная...» Я даже не помню, что она говорила, как будто сквозь сон слышу: «... в своём блоке мыть полы два раза в день, смотреть за капельницами...».

Наконец, по большому коридору мы дошли до блока №21. Захожу. Лежит моя Варенька в кровати с подогревом, головушка обрита, а в ней иголка от капельницы торчит. В носу какая-то трубочка видна...

— Что это? — спросила я, еле сдерживая слезы.

— Это зонд, она ест через него. Вот так кормить будете — Людмила Александровна взяла шприц, налила туда смеси, присоединила его к трубочке и подняла всё вверх. Шприц быстро опустел. «Ну, вот и всё! Она сыта!» — дополнила медсестра. А у меня сердце разрывалось, глядя на эту картину. Молочная медсестра ушла, и я осталась наедине с ребёнком.

Варя лежала неподвижно и не открывала глаз. Она не улыбалась и не строила мордочки, как этого следовало ожидать. Девочка была настолько слаба, что не могла приподнять веки. Туго запелёнанная, она лежала в своей люльке, а я сидела напротив и пребывала в состоянии шока.

Ко мне пришла молоденькая медсестра, которая представилась Алёной. «Пойдёмте, я покажу Вам, как правильно пеленать Варюшу», — предложила мне девушка в белом халате.

Она положила малышку на медицинский стол, раскутала её, и я в первый раз увидела дочурку голой. «Господи! До чего ж она мала!» — воскликнула я. «Конечно, она ж ещё на 200 грамм похудела», — добавила медсестра. Но куда худеть, когда её вес и так не отличался какой-то тяжестью — 2509 грамм. «Господи, помоги мне», — просила я.

Малюсенькие ножки и ручки, животик, как у лягушки — всё подёргивалось от недостатка тепла, и это несмотря на то, что в боксе было довольно жарко — целая стена грела, как печка. Я увидела, что стопы ребёнка имели фиолетовый оттенок. Господи! Да у неё ножки обморожены! Что за медперсонал?! Неужели было не одеть ей носочки?!

Я скорее натянула малышке маленькие шерстяные носки. На ней они смотрелись, как валенки. Укутала её как можно теплее и попыталась накормить. Всё тем же методом. Сцеживала своё молоко в стерилизованную бутылочку, а потом переливала его в шприц, прикрепленный к зонду моей доченьки. Поднимала всё вверх — и процесс шёл, как по накатанной: Варюшку передёргивало, она шевелила носом и губами, потом успокаивалась.

Господи! Неужели она инвалид?.. Неужели это на всю жизнь?.. Питаться через зонд... Лежать... О таком ли я мечтала, пытаюсь забеременеть. Мне стало страшно. Я пробовала отгонять от себя плохие мысли, но они всё чаще посещали мою головушку. Я не могла от них избавиться.

В нашей палате было два окна. Одно выходило в коридор, по которому сновал медицинский персонал и мы, мамочки, а второе «упиралось» в другой корпус больницы. Своеобразный карцер. Только без решётки.

От эмоционального перенапряжения я сильно устала, прилегла отдохнуть и уснула. Уснула до самого утра. Это была единственная безмятежная ночь в больнице.

Утром я открыла глаза и не сразу поняла, где нахожусь. Жёлтые стены палаты, белые рамы, всё помещение в окнах для просмотра... О, я в больнице! Варя лежала, чуть приоткрыв глаза. «Слава Богу! — пронеслось в моей голове. — У неё прибывают силы».

На часах было шесть утра. За окном — свет фонаря и тёмное пространство. Я встала с жёсткой кровати, накинула халат и пошла на пост за стерилизованной бутылочкой. Десять сосок советских времён лежали на столе — на выбор, так сказать. В общем коридоре горел свет, а медсестричка спокойно спала на стуле. Я взяла всё необходимое и побрела в 21-й бокс. Варя всё так же мило сопела в своей маленькой кроватке.

Я подложила пелёнку под одну грудь, а из второй сцеживала молоко в бутылку. Процесс затянулся. Грудь горела и на ощупь была, как камень. Кое-как, через слёзы и боль, я наполнила сосуд молоком. Потом подошла к дочурке, взяла в руки шприц, который вёл к её зонду, и налила в него молочка. Как я и ожидала, шприц быстро опустел, и ребёнка всего передёрнуло. «Теперь наелась», — успокаивала я себя.

Головушка моей дочки была заклеена липким лейкопластырем, на щеке запеклась капля крови, вытекшая из того самого места, куда вставляется игла капельницы. Я взяла малышку на руки и не выпускала её ни на секунду. Прижимала к себе мою ягодку и шептала: «Ты моя земляничка. Мама рядом. Мама всегда будет рядом с тобой и никогда не бросит. Ты моя радость. Моя Варенька... Ты самая красивая! Самая любимая! Самая здоровая! Мы победим! Держись, моя звёздочка!» Она уснула.

Я легла в свою постель и не могла отключиться. Моя грудь ныла и горела. Что это? Не дожидаясь обхода, я побежала к медсестре. Она безмятежно спала на посту. «Алёна! Алёна! Ты посмотри, что у меня с грудью!» — умоляла я её полусонную.

Она приоткрыла зелёные очи, взяла меня за руку и куда-то повела по коридору. Завела в кабинет, усадила за стол и сказала: «Вот. Это электрический молокоотсос. Сюда вот этот колпачок вставляешь, сюда — эти штучки, на грудь надеваешь насадку, нажимаешь на кнопку, и вакуум делает своё дело!»

Молока было настолько много, что набралось две приличные чашки. Жаль, использовать его было нельзя. Не стерильно. А на вкус я всё-таки попробовала. Сладкое-сладкое. Правда, больше одного глотка я себе не позволила выпить. Не то что бы противно или стыдно, а просто — зачем?

Пробило девять. Пришёл врач. Осмотрел ребёнка — послушал, проверил горло, посмотрел, нет ли опрелостей. И назначил капельницы и уколы. Ушёл. Точнее ушла — это была тётя-врач. Ольга Петровна Левагина. Работает здесь уже более десяти лет. Причём успешно — вылечила сотни младенцев. И нам поможет.

Дверь распахнулась, и в палате появилась Алёна. Зеленоглазка решила узнать, как тут у нас идут дела.

— Да всё хорошо. Я её только что подмыла, — давала я отчёт.

— Молодец. Получилось? — по-доброму спрашивала она.

— Ну, а куда денешься? Своя же... Алёна, давай уберём зонд, я попробую её покормить сама, — просила я молоденькую девчонку.

— Слаба ещё она, не возьмет, — сомневалась та.

— Так думать, дак она вообще всю жизнь с зондом проходит, — скрестив руки на груди, я встала в позу.

— Хорошо. Давай попробуем, если что — обратно всё поставим. Только корми не грудью, а сцеживай в бутылочку, и пусть пьёт из соски, — согласилась всё-таки она.

Так и сделали. Струйки попадали ровно в горлышко бутылочки — я сцеживалась. Грудь болела, соски потрескались, но я должна была выкормить мою девочку.

Из целой бутылки молока она выпивала по 15—20 грамм, но и их я считала своей победой. Когда я подносила соску ко рту малышки, она еле могла её зажимать маленькими губками, а тут ведь ещё и сосать надо! Приходилось работать на рефлексе — я тёрла соской нёбо, малютка рефлекторно сжимала её и сглатывала жидкость.

Так продолжались мучительные полтора часа, за которые она выпивала по несколько капель. У меня не оставалось сил, мои эмоции хлестали через край, мне нужно было их куда-то деть... Я пела: «Ты заболеешь, я приду, боль разведу рука-ами... Всё я сумею, всё смогу, сердце моё не ка-мень!» Песни меня всегда успокаивали. И тут помогли.

В бокс пришла медсестра, весёлая, приятная женщина. Она должна была ставить Варю капельницу. Татьяна Алексеевна взяла ребёнка, положила на столик и попросила меня придержать головушку. Я в первый раз видела, как моему ребёнку ставят капельницу. Большую иглку втыкают прямо в макушку, подводят к этому месту шприц, нажимают на устройстве какие-то кнопки, которые выстраивают программу заполнения лекарством в определенном режиме, и уходят. А мне что делать? Ждать.

В сутки нам ставили по четыре капельницы. На протяжении восьми часов Варя лежала на такой процедуре. За это время я успевала её несколько раз покормить и переодеть. Я так привыкла к этим капельницам, что вскоре уже не бегала к медсёстрам, когда приборы начинали пикать, извещая о том, что лекарство в шприце закончилось, и смело переставляла их сама.

Кроме этих процедур, у нас были и другие. Два раза в сутки — утром и ночью — в палату приходила медсестра, чтобы сделать укол в малюсенькую попку. Но попки не было, у нас была сплошная кость. Поэтому, когда меня просили придержать ребёнка, пока набирают в шприц лекарство, моё сердце обливалось кровью. Рудольфовна доставала длинную и толстую иглу и беспощадно колола мою Земляничку. Ребёнок разрывался от плача. И я плакала вместе с ней.

Как-то ночью Варя запросила кушать. Я так обрадовалась! Наконец-то! Она просит сама! Теперь точно пойдёт на поправку! Я сцедила молоко в бутылочку и стала выкармливать его ей. Девочка пила. Потом покраснела, закашлялась и начала задыхаться. Я напугалась, кинулась звать врача, но его нигде не было. Мне никто не отзывался. Тогда я решила действовать самостоятельно — перевернула ребёнка и стала хлопать по спине. Это не дало никакого эффекта. В поисках помощи я выбежала в общий коридор...

«Сестра! Кто-нибудь! Девочки! Помогите!» — мой истошный вопль разносился по всему отделению. Медсестра прибежала с другого поста: «Ну, что ты, что ты! Успокойся! Дай ребёнка мне». Она взяла Варю на руки и стала как-то трясти. Перевернув её вниз головой и держа за щиколотки, медсестра отпустила её почти до пола и резко подняла вверх. Молоко хлынуло носом и ртом. Варя прокашлялась и задышала.

«Если и дальше будет задыхаться, будем продувать», — сказала медсестра, принёсшая в нашу палату какой-то устрашающий механизм. Я не спала всю ночь — просидела около дочки.

Утро следующего дня. Укол. Обход. Кормление. Мучительное и долгое кормление. Варя открывает рот, я соской трогаю её нёбо, и она сосёт и глотает. Так продолжается два часа. Потом у меня есть время на перепеленание, подмывание и сцеживание.

В сутки я сцеживалась по восемь-девять раз. Мамочки из соседних боксов подшучивали надо мной: «Опять доиться пошла...». «Не смешно», — отвечала я, и плелась в комнату за стерильной бутылочкой. Садилась на жёсткую кровать, под одну грудь подкладывала пелёнку, а из второй добывала еду своему ребёнку. Спина затекала, грудь болела, но я не останавливалась.

Странное дело, когда я жила другой жизнью и не думала о зачатии ребёнка, ко мне в дом как-то пришли сектанты. Мужчина и женщина навязывали мне свои мнения, на что я сказала, что Библию знаю не хуже их и могу сама судить, что мне нужно, а что — нет. И добавила ещё: «К Богу каждый сам приходит. И у каждого путь свой. Вот случится у меня что-нибудь, тогда во всё поверю!» Зачем ляпнула?.. Вот и случилось — накаркала!

Свекровка мне послала смс-кой молитву «Отче наш». Это единственная молитва, которую я знаю и твержу, когда кормлю Варю. Мне кажется, она помогает. По крайней мере, отвлекает от тошных дум.

На мобильнике засветился дисплей. Я взяла телефон в руки и нажала на зелёную кнопку. Тонкий голос свекрови, раздавшийся так не вовремя в моей палате, спрашивал:

— Не знаешь, где Вадик? Что-то трубку не берёт. Я волнуюсь.

— Не знаю, и знать не хочу.

— А что такое?

— Что такое? Ты ещё спрашиваешь? Я вот вчера, к примеру, позвонила. Услышала, как он развлекается: казино, клубы... Не знаешь, на какие шиши он гуляет? Ах, не знаешь... Так я скажу — это он кредит прожигает. Пока я борюсь за жизнь нашей дочери, он шикает и пьянствует, а мы терпим лишения такие, какие только возможно. Всё. Я устала. Пока. И не звони мне больше по поводу Вадима!

Я положила трубку, и внутри что-то оборвалось. Такая вдруг обида нахлынула. Вспомнились все его слова и обещания: как умолял родить ему ребёнка, говорил, что будет во всём помогать... На деле же вышло совсем другое — он шляется, а я пеку колобок... Допекаю то, что он не смог приготовить нормально. Даже выносить ребёнка нормально не дал. Вот урод! Ну, ничего! Ты ещё попляшешь у меня! Я тебе устрою счастливую жизнь! За всё у меня ответишь!

В бокс пришла Татьяна Карловна, сегодня на смене она.

— Маша, я сейчас вам укольчик сделаю, ты свою Земляничку поддержи, чтоб не дёргалась, а то ещё не туда попаду...

— Хорошо. Поддержу.

Варя, чувствуя что-то неладное, начала кукситься и плакать. Плач медленно, но верно переходил в истерику, которую я потом останавливала не один час.

— А ведь вам сегодня на забор крови ещё идти, — предупредила меня медсестра.

— А откуда кровь берут? — спросила я.

— Из пальца.

— Из пальца? Так у неё пальчик-то миллиметровый, как тут возьмут-то?

— Возьмут! Не беспокойся! У шестисотграммовых берут, а тут и подавно!

Я запеленала Варюшку в одеяло, и мы пошли по широкому коридору областной больницы в кабинет для забора крови. Это место я нашла сразу. Очередь, я скажу, там была ещё та... Пришлось ждать.

Моя Земляничка вела себя спокойно. Мне почему-то до этого выхода в свет казалось, что у всех маленьких детей носы одинаковые, как у моей Вари, — кнопкой. Тут я насмотрелась всяких — и крючком, и петелькой, и бабурой, и картошкой, и даже запятой. Удивилась. Ещё, когда сидела около её кровати и всматривалась в черты лица дочери, не могла понять, на кого она больше похожа. Иногда ловила себя на мысли, что вообще — на обезьяну. Брала на руки, подносила её к своему лицу, подходила с ней к зеркалу и всматривалась. Я сопоставила наши лица и решила: мы обе похожи на обезьян. Брови я не выщипывала уже второй месяц. Дома не успела, а тут пинцета нет. Из-за вечного недосыпа (час в сутки для меня крайне мало) я выглядела очень бледно и вяло, волосы от хлорированной воды стали жёсткими. Ну, как не обезьяна? Обезьяна! А Варька чем-то похожа на меня — ну вот тебе и пожалуйста!

— Ой, здравствуй, Варенька! — проговорила женщина, стоящая рядом. Я посмотрела на неё вопросительным взглядом, — мол, кто такая. Она сразу разрешила этот вопрос:

— Мы с вами в реанимации вместе лежали. Только вы три дня, а мы три недели. У вас ещё папа приезжал проверять. Я его видела, он долго стоял у Вариной кровати и любовался ею. Кстати, она на него очень похожа.

— Так родня ведь... — ответила я с иронией.

— А я вот родила хорошо, — вступила со мной в разговор эта мамочка. — И закричал сразу, и покушал даже. Потом его положили в кровать и ушли. Прошло где-то два часа. Слышу — он задыхается. Я подбежала, смотрю — синее! Кричу! Ору! Врачи прибежали, стали помогать. Оказывается, у него мокрота в лёгких была, вот и наступила асфиксия. Но, слава Богу, спасли.

Наконец-то подошла наша очередь.

— Садитесь, — указала мне на стул медсестра. — Доставайте ручку у ребёнка, будем брать кровь.

Мои ноги затекли и не могли двинуться от страха. Медсестра сдвинула мизерный пальчик и ткнула в него лезвием! Яркая бусинка крови выкатилась наружу, но её было недостаточно. Для анализов требовалось несколько трубочек крови, а так как она поступала плохо, то сестричка давила не на этот палец, а на всю руку. Потом ещё и перекалывала несколько раз. В итоге моё сердце не выдержало, я с ней разругалась, забрала заходившегося от плача ребёнка и ушла к себе в 21-й бокс.

На руках у мамы Земляничка успокоилась и маленькими глазками смотрела в зимнее окно. Падающий снег кружился хлопьями и разлетался, будто пух от только что взбитой перины. «Какой лёгкий... — наслаждалась зимней картиной я. — Вот бы и мне сейчас было так же легко на душе...» Жаль, иллюзии не суждено воплотиться.

Моё душевное состояние оставляло желать лучшего — оказавшись один на один с трудностями, я поняла, как нелегко брать всю ответственность на себя. Определённой бодрости добавляли ежечасные мамины звонки, но когда я завершала телефонный разговор, вновь оставалась без поддержки.

Варюшка выглядывала из своих пелёнок, как нахохлившийся воробей из-под своих перьев. Такое ощущение, что ей было страшно. Новый мир. Всё другое. Я её уговаривала: «Не бойся, моя маленькая. Мама рядом».

«Маша! За пелёнками!» — позвал меня чей-то голос, доносившийся из коридора. Я положила малышку в кроватку с бортиками, поправила капельницу и пошла к кабинету, в котором выдавали фланелевую материю.

— По 25 в руки, — проголосила тучная кастелянша. — Так. Кому нужны распашонки? Тебе нужны? — спросила она меня.

— Мне? Да зачем? Таких размеров ещё, наверно, не придумали, — осеклась я.

— Какой вес? — пересчитывая на полке крохотную одежонку, резко спрашивала она.

— 2630!

— На! Держи! — она подала мне маленькую рыжую рубашечку.

Я вернулась в свой бокс. Варя спала. Это была единственная возможность отдохнуть. Только я прилегла, как в комнату вошла заведующая.

— Пол сегодня мыли? — она прошла до середины комнаты на высокой шпильке.

— Да... — присела я на кровати в своём тёплом халате.

— Бельё развешивать в палате нельзя, чай пить — тоже, снесите чашку в столовую, — заметив большую кружку на прикроватной тумбочке, скомандовала женщина.

Она ушла, а я встала и поплелась в санитарную комнату за хлоркой. Кинула таблетку в ведро, капсула мигом растворилась, и едкий запах распространился по всему помещению. Я надела белый халат, который имелся у каждой мамочки для санитарной обработки палаты, взяла в руки ведро, лентяйку и пошла драить полы. Какой уж тут отдых...

Тряпка скользила по светлому линолеуму и задиралась за ножки кровати. Господи! Когда это всё закончится?! Я вымыла свой бокс, прихожую и туалет. В бытовой комнате стоял новый унитаз, душевая кабинка, раковина и огромное зеркало. Да и ко всему прочему... в этой рыльно-мыльной комнате было окно во всю дверь. Наверно, оно было сделано для того, чтобы я могла свободно наблюдать за своим ребёнком даже во время приёма душа. Хотя... в этой больнице помывка для меня была единственным утешением.

Я стояла под напором воды, тёплые капли разбивались о моё тело, которое благоухало душистым гелем. В кабинке тоже имелось зеркало. Я смотрела в него и не узнавала себя. Создавалось ощущение, что на меня смотрит чужой человек: впалые скулы, впалый живот, бледное, как сметана лицо, которое не краснело даже от горячей воды, неизменным осталось только одно — длинные волосы, обвивающие мой стан.

Куда делась весёлая Машка? Всегда смеющаяся и довольная? Кричащая, дразнящая, манящая? Куда всё ушло? Разве это я? Всё перевернулось в одну секунду, в мгновение ока... Ушла вся праздность жизни и наступили другие времена.

Во всём нужно искать плюсы. Я похудела. Об этом я мечтала с самого детства — ходила на тренировки, делала гимнастику, сидела на диетах... Сейчас для меня это всё стало так мелко. Здесь, в больнице, где повсюду боль и слёзы, ты понимаешь, что все эти мелочи — деньги, напыщенность, наряды, понты — всё это не имеет никакого значения. Главное в жизни — здоровье и поддержка. Без этого не сможет ни одно живое существо.

Мама звонит.

— Машка, на Таньку ни одна юбка не влезает! Представь! — хотела обрадовать она меня.

— Да мама! Лучше б на меня не влезала ни одна юбка, и я была бы в три обхвата, но, чтоб моя дочь была здорова! Разве важно, какой ты ширины? Важно, что ты есть! Что ты живёшь! Вот, что важно, — раздухарилась я.

— Маша, успокойся. Вот приедешь, купим тебе новое платье! — продолжала она.

— Мама! О чём ты? Какое платье? Ты не слышишь, о чём я говорю? Мне ничего не надо. Ровным счётом ни-че-го! — чуть не топая ногой, твердила я в трубку. — Я устала. Пока, мама.

Лёгким движением руки мобильник оказался где-то под кроватью, а на ровной поверхности овального зеркала, висевшего в палате, вырисовывалось моё отражение. Волосы стали иссиня-чёрными и жёсткими. Моя кожа была очень бледной. Руки потрескались от вечного соприкосновения с водой и моющими средствами. И на мир я смотрела теперь совсем по-другому.

Вот уже вторую неделю я не выходила из больницы. Нет, конечно, можно было покидать стены этой плачевницы, но не более чем на сорок минут. За это время мамочка должна успеть спуститься в подвал — переодеться, подняться наверх, выйти через парадное крыльцо на улицу, затем — из своего корпуса, а чтобы добраться до магазина, уйдут ещё сорок минут. Вопрос — зачем я куда-то пойду? Да и нет уверенности, что за моим ребёнком будет хороший присмотр, хотя больница и переполнена медперсоналом.

Вон Ольга из соседнего бокса, приверженка искусственного питания. Кормит только смесью и ровно через три часа. Вот она уходит из больницы на этот промежуток времени и не боится. У неё дочка спит. А у Шурки весь изревится, если оставить. Как-то ей пришлось уехать, на вокзал нужно было — деньги от родственников знакомые передавали, так, когда она приехала, Богдан задышался от плача. Мальчишка лежал голодный и холодный в мокрых пелёнках и звал маму. Но никто к нему даже не заглянул. Стены между боксами плотные, другие мамочки не слышали его ора, да и нельзя в чужой бокс заходить. А медсестрички в это время сидели и пили чай. Я бы всех таких «сестричек» к стене ставила!

Иногда, когда у нас бывало свободное время, что случалось крайне редко, мы встречались в коридоре и сидели в кожаных креслах. В один из таких дней в больницу поступила роженица. Я такую женщину видела впервые. Тощее приведение двигалось к нам навстречу. Она шла в шлёпках без носков, и её ногти цокали по полу. Моему удивлению не было предела.

Мы сидели с Танькой Грошевой, её бокс находился напротив моего, и смотрели на это «чудо». Этой девке автоматически было присвоено прозвище «Призрак», с добавлением «летающий на крыльях ночи». Её вид сказал о многом. И, когда мы узнали, что она, мягко говоря, слаба на голову, то поняли, что и «передком» тоже не сильна. Оказалось, это уже третий ребёнок. Двое первых сейчас находятся в одном из детских домов Вологодской области. У неё был мальчишка. Крепкий. Сюда они попали так же, как и все — из-за небольшой асфиксии. То есть кто-то, например, родился и не сразу закричал, или задышал... А кто-то, как этот, просто запутался в пуповине. А это обозначает, что какие-то доли секунды он не дышал. Поэтому сейчас его будут всячески проверять. Ребёнок же не виноват, что ему такая мать досталась.

Мы с Танькой незаметно для себя встали с кресел, и пошли за этим чучелом. Интересно, куда она двигается?... Призрак летел в Танькин бокс!

— А-а-а-а-а! — открылись от удивления Танькины глаза и рот.

Она мигом полетела в ординаторскую.

— Вы что творите? Вы кого мне подселили? — ругалась Грошева с врачами.

— Кого? — спокойно спрашивали они.

— Вы даже не знаете, кого подселяете мне! Я с этим чучелом жить не буду! Вы понюхайте, как от неё тащит! Это, во-первых! А, во-вторых, у неё не всё в порядке с головой! Мало ли, что ей взбрѣдет! — расходилась Танюха.

После «тёплой» беседы с заведующей отделением «летающую на крыльях ночи» от Грошевых переселили. Танька вздохнула с облегчением. Она-то вздохнула, но вся больница была в напряжении. Это чучело поселили в отдельный бокс. Но это не спасло пациентов от её общения. Она ходила по больнице взад и вперѣд, заглядывая ко всем в окна, и смотрела на чужих малышей до тех пор, пока её не заметят. Эту причуду гнали отовсюду. А она, видимо, не понимая, что делает, не останавливалась на достигнутом и пыталась пройти в бокс.

Как-то утром в столовой, когда по сложившемуся режиму, мы ели рисовую кашу, Призрак сел напротив меня, но за соседний столик. Я не могла смотреть на эту похлёбку, а она

уплетала её за обе щеки. К причуде подошла женщина из соседнего бокса, и подала большое сочное яблоко. Та кивнула в знак благодарности и сразу начала его уминать.

Все покосились на Марину, мол, ты чего? Она повернулась и сказала: «У меня родился второй ребёнок от второго брака. Я вышла замуж в 19. Первый муж пил, шляется, и, когда всем девчонкам в роддом приносили фрукты и сладости, мой благоверный таскал мне морковку с личного огорода. Когда нас выписывали, всех забирали с цветами и улыбками, а я пришла в дом, заваленный бутылками, которые вымыла, сдала и купила на них пачку молока и батон белого хлеба. Я понимаю, каково приходится сейчас этой женщине. Ей никто и ничего не принесёт и даже доброго слова не скажет. Пусть порадуется».

Девчонки встали со своих мест и тоже дали ей по фрукту. Но это была единичная акция. Больше этого Призрака никто не жалел. А за что? За то, что она шляется по коридорам, оставляя одного маленького ребёнка в боксе? Он вечно сырой и опрелый до мяса. Мы отдавали ей свой крем и присыпку, но она не удосуживалась даже ухаживать за своим сыном.

— Наверно, и этот попадёт в детский дом, — прошептала мне Танька.

— Да уж лучше туда, чем с такой маткой, — отозвалась я.

В том крыле лежала не только эта сомнительная личность. Был целый бокс отказников. Так и стоят перед глазами двое ребятишек. Эдуард и Ярослав. Эдик — маленький, какой-то кривой, с длинными, чёрными волосами, большой головой и узкими глазами — его диагноз знали все. Даун. А второй, Ярик, — сильный, крепкий, глаза зеленущие, большие! Сам такой миленький! От этого-то какая непутёвая могла отказаться? Да, если и больной, это ж твой! Родной! Какой бы ни был!

Мы с Танькой долго смотрели на этих малышек... Стояли и переглядывались, и во взгляде нашем угадывались все мысли, посетившие нас в тот момент.

Расстроенные, мы пошли в свои боксы. На посту сделали отметки о состоянии здоровья своих детей и хотели уже расходиться. Нина Васильевна, звонкоголосая медсестра, остановила нас своим вопросом: «Что? К отказникам ходили?» Мы переглянулись. Откуда она могла знать?..

«Да отказник-то там только один, — продолжила она. — Второго заберут. У матери его кости во время родов сильно разошлись, лежит в больнице в тяжёлом состоянии, встать не может, да и нельзя пока. За ней за самой утки выносят, а как она будет за ребёнком ухаживать?.. Вот и лежит он у нас, а она в другом здании. Бедные. Вот ведь как ещё бывает...»

Посмотрев на ситуацию со стороны, я поняла, что у меня ещё далеко не худший вариант, который мог произойти... Варя заплакала, и я мигом метнулась к ней. Девчонка уже была не так слаба. Ей проделали капельницы и уколы. Теперь нам прописали массаж. Говорят, он вообще на ноги хорошо ставит. Да она у меня и так уже активная стала — вон как возится. За ночь вообще по несколько раз разбудит — кушать просит. Наконец-то!

Теперь мы прибывали с каждым днём на 100 грамм, редко, когда на 60 или 80. Я спала по часу в сутки, всё время сцеживалась или ухаживала за ребёнком. Поэтому, когда мне кто-то звонил в этот час, я приходила в такой гнев, что звонящий быстро сам бросал трубку. В этот раз мне попался «Муж».

— Ма-аш, привет! Ну, как вы там?

— Лучше всех, — пробурчала я. — Что надо? Неделию не звонил — вспомнил вдруг?

— Ну, что ты! Перестань! Когда выписывают? Когда приезжать за вами?

— Не знаю. Отстань. Ещё не скоро.

Обиженная на него, я бросила трубку, перевернулась на другой бок и уснула. На часах было 12 ночи. В уличное окно светил фонарь, а в окне, выходящем в общий коридор, появилось мутное лицо Призрака. Я почувствовала на себе напряжённый взгляд и открыла глаза. Это чучело с цокающими ногтями на ногах стояло и смотрело на нас с Варей! Я вскочила и пулей

выбежала к ней. Взяв за шкурку, оттащила её в другое крыло и сказала: «Чтобы и духа твоего не было рядом с моим боксом! Поняла?!» Та утвердительно кивнула.

Я вернулась в 21-й бокс и легла на свою кровать. Меня потряхивало и знобило. Варя заплакала и завывала. Время еды. О-о-о!.. Я так никогда не выплюсь! Накормив малышку заранее приготовленным молоком, положила её рядом с собой, и мы сладко уснули.

Сегодня я проспала четыре часа! Господи! Какое это счастье! Не один, а целых четыре!!!

Нина Васильевна почему-то пришла раньше обычного. Подозвала меня и потихоньку сказала: «Так. Сегодня вы идёте на УЗИ. Ещё я Грошеву записала. УЗИ головы. Приготовьтесь».

— О, Боги! Как мне страшно. Я надеюсь, всё будет хорошо! — поделилась своими переживаниями с медсестрой.

— Шапочку не забудь ей одеть, — предупредила та.

— Но у меня нет маленькой шапочки... — расстроилась я.

— Как — нет? Ну, ничего, я запеленаю её с головой — ерунда! — подмигнула Нина Васильевна.

Прошло полчаса, и медсестра пришла снова.

— Готовы? Давайте я вам помогу.

Нина Васильевна по-быстрому укутала Варюшку, и мы пошли по коридору ближе к нужному кабинету. Там уже кто-то был на приёме. Нам пришлось ждать. Мы присели на диванчик, рядом с нами плюхнулись Грошевы.

— Говорят, там тётка злая работает. Кричит на мамочек, если что не так, — подозрительно шепнула на ухо Татьяна.

— Я ей покричу...

«Ждановы! Ваша очередь!» — послышалось из-за дверей кабинета. Я встала и понесла Варюшку на экзекуцию. Ребёнка положили на холодную кушетку, распеленали и намазали голову каким-то прозрачным гелем. Варя молчала и не двигалась. Она смотрела в одну точку и не понимала, что с ней делают. Женщина аккуратно водила по её голове специальной аппаратурой, которая передавала всю информацию на экран.

— Лучше. Значительно лучше, — констатировала докторша.

— Ф-фу, слава Богу! Я уж напугалась!

— А чего Вы боитесь? У вас всё хорошо. Через несколько дней, наверно, выпишут. Вы поправляетесь. От ишемии не осталось и следа.

— Как же хорошо-то! Какие хорошие новости! Мы уже 18 дней тут. Я устала.

— Ничего. Немного осталось мучиться...

Я обтёрла Варю от этой слизи, закутала малышку в пелёнку, поблагодарила доктора и пошла к себе в бокс. Моей радости не было предела! Я светилась от счастья!

В общем коридоре мы натолкнулись на нашего лечащего врача. Ольга Петровна, как обычно, куда-то спешила.

— Ольга Петровна, можно Вас на минуточку...

— Что такое? Что случилось?

— Я хотела поинтересоваться, что за диагноз у нас...

Наша докторша выпалила заключение чуть ли не на латыни и вопросительно посмотрела на меня... Я стояла в недоумении.

Словосочетание «нервная система» меня очень задело. Неужели моя доченька будет инвалидом? Тут я вспомнила, что у неё часто трясётся нижняя губка... «О, Господи! Только не это!» — пронеслось в моей голове. Ольга Петровна мигом считала моё состояние и добавила:

— Вас, наверно, интересует дальнейшая судьба ребёнка?..

— Да, — без промедления ответила я.

— У Вас будет абсолютно нормальный ребёнок! Не переживайте.

После этих слов с моих плеч такой груз свалился! Нет. Не камень! Валун! Гора сошла! Э-эх! Вот она жизнь! Вот она жизнь! Возрадуйся!

Сегодня всё шло по-другому. И снег за окном падал прекрасней. И Варя улыбалась теплее! И медсёстры были доброжелательней и дружелюбней! Сегодня был мой день! День мамочки из 21-го бокса! Мамочки, которая не спала ночами, следя за покоем своего ребёнка. День женщины, которая не отходила от своего чада, меняя капельницы и пелёнки. Женщины, которая сцеживала своё молоко по часам и минутам, и выкармливала малыша! Варя шла на поправку — это была моя победа! Болезнь отступала!

Моя девочка стала сосать соску, как все обычные дети. Теперь я дышала спокойнее. Моя осанка стала ровнее. Шаг твёрже. И всё-то у меня спорилось да ладилось. Я передела Варю, накормила её, уложила спать, и пошла на обед. В столовую.

Маринка, Танька, Ольга и остальные — все уже были там. Осталось только два свободных места. Я заняла одно из них и приготовилась к приёму пищи. В светлое помещение вошла девушка в голубом спортивном костюме. Я видела её уже не в первый раз, но каждый — поникшей и печальной. Мне всегда хотелось узнать, что приключилось с ней, но как-то не получалось завести разговор. Сегодня она села напротив меня. Долго водила ложкой в супе и не ела. Я спросила: «Что с тобой?»

— Наверно, что и со всеми здесь. У меня болеет ребёнок, — не поднимая голову, ответила девушка.

— Ничего! Поправится! — ждала я, когда она на меня посмотрит.

— Тебе легко говорить! Она у меня вообще не ест... — моя соседка по столу бросила ложку в щи.

Я вспомнила, что, проходя мимо их бокса, видела, как эта мамочка стоит у кровати малыша, а над ним висит какое-то оборудование. В колбе бурлят и выются пузырьки...

— Ты понимаешь, она не может глотать! Я кормлю её через зонд! — со слезами девчонка посмотрела на меня.

— Как раз-таки я это отлично понимаю! Сама через это прошла! Только я вот, что сделала: попросила врачей убрать этот зонд, и потихоньку приучала ребёнка к соске. Попробуй и ты! — вселяла я в неё уверенность.

— Ты, правда, так сделала? — боялась мне поверить она.

— Конечно! — уверяла я.

Мамочка успокоилась, скушала суп, второе, выпила компот и, воодушевлённая, исчезла из столовой. Я сидела довольная тем, что смогла хоть кого-то подбодрить.

Народ не расходился. Это было единственное место, где можно было пообщаться и отвлечься от проблем.

— Машка, спой песню, — просили меня девчонки.

— Ну, что вы! Сейчас услышат, опять заорут!

— Да ну! Пой, давай! Ну, хотя бы частушку тогда...

— Ну, хорошо! Только одну!

Все сидели в ожидании моего перла.

— А давай матюкальную! — предложила Танька.

— Ну, давай, ты можешь! Повесели нас, — начали все остальные.

Я запела: «Раньше я жила-не знала, что такое кокушки а-а-а, пришло время... застучали-и-и... кокушки по жопушки!» Девчонки расхохотались, и вышло это так громко, что нас услышала медсестра: «Это ещё что такое? Вы забыли, где находитесь? Это больница! Больница! Успокойтесь и ведите себя прилично!»

— Родовались бы, что мы отвлекаемся. И так у всех только горе на уме, — высказались девчонки.

Я не унималась и допела им эту песню шёпотом: «Бригадир у нас хороший. Бригадир у нас один. А-а-а! Соберёмся всей бригадо-о-ой. И хм-хм ему дадим!»

— Ну, Машка, ты даёшь! Хоть ты повеселишь, так ладно.

— Ладно, девочки, расходимся. Пора уже.

До ужина время пролетело быстро. Во время трапезы ко мне подбежала та самая мамочка в голубом спортивном костюме. Она откуда-то узнала, как меня зовут.

— Маша, Маша! Она ест! Ест! Как хорошо, что ты мне это посоветовала! Она ест, только срыгивает потом всё...

— А ты как хотела? У неё желудок ещё не привык к этому. У меня сначала вообще по 10 граммов ела, а теперь 75 и больше! Ничего — всё будет хорошо, я узнавала, — улыбнулась я.

Входные двери хлопнули, и с улицы зашла новая мамочка. Её встретила та же молочная медсестра, что и меня, Людмила Александровна. «А где дети?» — спросила она.

— Сейчас принесут.

Через несколько минут занесли двух близнецов. Медсестра взяла обоих на руки и понесла в бокс. Мамочка, растерянная и взлохмаченная, бежала за ней. Мы с Танькой были в шоке.

— Двое!

— Двое...

— С ума сойти! Тут с одним-то не знаешь, как справиться!

— Бедная... Намучается.

Не успела я это произнести, как входные двери открылись снова. Шла мамочка и три медсестры. У каждой сестрички по ребёнку.

— Тройня!

— О, Господи, что за день?!

— Дар речи потерять можно!

— Как она с тремя обходиться будет?

— Может, родственников пустят... чтоб помогали ей.

— Не знаю...

Мы сидели, выпучив глаза и открыв рты. Смотрели друг на друга и сопереживали молодой мамочке.

«Мамочка из 21-го бокса!» — кричала меня медсестра. Я испугалась и побежала к своей палате.

— Что случилось?

— Вы переезжаете!

— Куда? Зачем? Нам и тут хорошо!

— Это не обсуждается. Врач так сказала. Вы уже почти выздоровели, а тут поступили «тяжёлые», им лучше лежать отдельно. Вы переезжаете к Грошевым.

— А? К Грошевым! Тогда ладно!

Я собрала свои вещи, подхватила Варю, и мы перешли в другую комнату. Там было большое окно, которое выходило на город!

— Как тебе повезло, Танюха! А у нас только крышу соседнего здания видно. Ты, наверно, в Новый год и салют видела...

— Конечно!

— А я дак спать легла. Никакого салюта, никаких поздравлений. Нет, родные, конечно, мне звонили, ну да разве мне до этого.

— А муж?

— И он звонил. У него там очень весело было. На площади отмечал! Как раньше... Как будто нас и нет вовсе. А мы есть! Мы лежим в больнице...

— Вот урод!

— Да... Я уже к этому привыкла. Мне теперь он совсем безразличен стал. Главное — Варя. А она идёт на поправку, и скоро нас выпишут! Я надеюсь...

День выписки был назначен на пятницу. Я так готовилась. Всех обзвонила! Только Ольга Петровна, наш лечащий врач, быстро опустила меня с небес на землю.

— Даже и не выдумывай. Слаба она ещё у тебя. Здесь полюбите.

— Как? Вы же говорили, что в пятницу выпишите нас.

— Мало ли, что я говорила?! Нет, и всё. У вас еще... Хм..Хм... У вас желтуха вон!

— Какая желтуха, Ольга Петровна? Откуда?

— Что? Не видишь? Будете на кварцевой лампе лежать... 24 часа в сутки!

Я вернулась в бокс и зарыдала. Всё это время я пыталась сдерживать себя и не показывать свою слабость. Но тут что-то лопнуло, я не могла противиться своим чувствам. Казалось, что моё рыдание слышит вся больница...

«Не выписывают! Не выписывают! Зачем же тогда обещали? Я больше не могу видеть эти стены, белые халаты! Как же мне всё это надоело! Бедная моя девочка — снова какие-то процедуры придумали!» — ходила я по боксу взад и вперед.

Нам принесли аппарат. Нужно было прикреплять пластину, похожую на лопату, к Варинной спине, и в таком положении она должна была находиться целые сутки. Я положила малышку на этот аппарат, потом обернула её пелёнкой, что и вовсе обездвижило ребёнка. Нажала на кнопку. От предплечья, где виднелись щели между телом и материалом, исходил голубой свет. Кое-как малютка уснула. Я успокоилась. В больнице воцарилась тишина и покой.

Ночью Танькин сын заныл, но она его не услышала, уж больно крепко спала... Зато его услышала моя Варя! И заплакала ещё сильнее. Теперь проснулась и Грошева, и начала говорить мне о том, что мы, видите ли, громкоголосые, разбудили её сына. Доказывать, что всё случилось наоборот, было бесполезно. Я просто качала Варю и даже не включала свет. Наши соседи по палате уснули, Варюша тоже закрывала глаза. Я стояла спиной к окну, ведущему в коридор, и почувствовала на себе взгляд. Обернулась, и вскрикнула от испуга! Там стояла санитарка и смотрела на меня из темноты.

— С ума, что ли, сошла?! — покрутила я ей пальцем у виска и добавила. — Что? Заняться больше нечем, как подсматривать?

Она, как ни в чём не бывало, развернулась и ушла, а я уложила ребёнка в кроватку и стала готовиться ко сну.

Утро было добрым. Лучи солнца играли на моей подушке, облака неслись по небу, а где-то внизу постепенно оживал город. Об этом говорили прохожие, появляющиеся на улицах, и бегущие на работу. Я наблюдала за ними в окно.

Таньки в боксе не было... Куда же она делась? Не успела я об этом подумать, как дверь отворилась и она, весёлая, забежала в комнату.

— Машка! Нас выписывают! Ур-ра!

— Да? Повезло...

— Так и вас!

— Как — нас? Мне вчера сказали, что ещё неделю тут лежать надо!

— Ничего не надо! Сейчас народу вон, сколько поступило — размещать негде. А мы с тобой только место занимаем.

— Так, когда выписывают-то? Сейчас, что ли?

— Нет, завтра с утра мы можем быть свободны. Слушай, мне надо за одним документом отлучиться, ты не посмотришь за моим Яриком?

— Да, конечно, посмотрю! Езжай.

Танька быстро оделась и смылась. Я осталась с двумя маленькими детьми, которым на тот момент ещё и месяца даже не было. Обоим по 21 дню! Недолго музыка играла... Мгновение, и Ярослав заплакал. Я подошла к его люльке и стала её катать. Хорошо, что она на колёсиках...

Ребёнок не успокаивался и заливался слезами. Я взяла мальчишку на руки, сунула в маленький ротик соску — замолчал. Минута, и тишина сменилась новым рёвом — теперь уже проснулась Варя. На её крик откликнулся и Танькин сын... Вой с обеих сторон меня изрядно вымотал. Я положила мальчика в его люльку, а Варю взяла на руки. Ногой катала кроватку на колёсиках, в руках держала свою дочь и бесконечное «ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш» уносилось под потолок. Угомонились. Слава Богу...

Вдруг в больничной тишине послышался звук перфоратора. О-о, нет! Этого я не перенесу... На нижнем этаже начинался ремонт. Чёрт! Вот это я везучая! Не обращая на тяжёлый звук внимания, дети продолжали спать. Я прилегла на свою кроватку и взяла в руки мобильный. Пятнадцать «пропущенных»! Мама, муж, сеструха, Юлька — все звонили по нескольку раз. Я набрала маму.

— Мама, нас завтра выписывают!

— Здорово! Я же говорила, что осталось немного потерпеть!

— Да-да, говорила... А ещё ты говорила, что у каждого свой крест... Что мне выпала вот такая доля, и я должна с ней справиться...

— Да, Маша, говорила. Ещё никому не давались детушки легко. Тебе вон, что пришлось испытать. За вторым теперь, наверно, подумаешь ещё идти или нет.

Я промолчала.

— Так во сколько вас ждать? Вадька поедет за вами?

— Наверно...

— Ну, хорошо. Мы тогда с Ольгой пойдем к вам, приберём все, намоем да печи натопим. В бокс зашла докторша, и мне пришлось отключиться.

— Мария, готовьтесь к выписке, завтра с утра можете быть свободны!

Она оглядела Варюшку ещё раз.

— Вот видишь, как она изменилась. Теперь настоящая! Вон, какая крепкая. Давай-ка взвесим ее.

— Сколько-сколько, — спрашивала меня Ольга Петровна, поглядывая на весы. Варя тянула ко мне свои маленькие ручки, а на дисплее высвечивалось 3209.

— Ну, вот! Нормальный вес — можно выписывать! Кушает как? Хорошо?

— Да.

— Ладно. Я пошла. А вы готовьтесь.

Я набирала мужа, а он всё-т не брал трубку. Потом перезвонил.

— Ма-аш...

— Вадик, нас выписывают! Ты приедешь завтра?

— Во сколько?

— Чем раньше, тем лучше.

— Хорошо... — он замялся.

— Что такое?

— У меня денег нет...

— Замечательно! Как водку жрать, так у него и деньги, и друзья, и время есть. Как жену с дочкой из больницы забрать — ничего нет! — я рвала и метала.

Он молчал.

— Так... Ладно... Вот где позорище-то, а! Короче, ищи машину, у меня деньги есть. Я сама заплачу. Ты, главное, купи коробку конфет и бутылку Шампанского на выписку. Хоть это-то сделай по путию!

— Хорошо, Машенька...

— Всё! Свободен!

— Целую, люблю, пока.

— Пока.

Я негодовала. Опять все проблемы приходилось решать самой. Что за тряпка?! Как можно быть таким тюфяком?! Эх! Ладно! Потом об этом подумаю — надо вещи собирать.

У меня набралось несколько пакетов. Странно, сюда ехала, вроде, меньше всего было...

Кто-то пронёсся мимо коридорного окна, и в комнату вбежала запыхавшаяся Танька:

— Ну как?

— Чего — «как»? Нормально. Сейчас нормально. А, как ты ушла, так дали жару оба!

— Спасибо тебе большое. Я пока ездила, вся испереживалась...

— Ну да ничего, мы справились.

Танька стаскивала с себя штаны и переодевалась в халат. Я укладывала вещи.

— Пойдём в столовку? Чаю попьем, — предложила мне соседка.

— Ну, пошли, когда ещё с девчонками увидимся... — встала с кровати и я.

За белым столом у большого окна, как обычно, уже сидели Маринка, Шурка и Аленка.

— Девчонки, давайте к нам за стол, — позвали они нас.

Мы сели.

— Что? Опять чай со сгущёнкой пьёте? Скоро уже на него и глаза смотреть не будут... — подтрунивали мы над ними.

— Ага. Пьем. А куда деться? Сказали ж всем, что, ежели так пить, молоко прибывать будет. Вот и пьем, — разбалтывали они чай молочного цвета в своих чашках.

Я налила себе такого же напитка. И Танька. Мы светились от счастья, и это было заметно.

— Вы чего такие радостные? Выписывают, что ли? — с иронией спросили взрослые мамочки, зная, что такого быть не может, ведь мы поступили намного позже, чем они.

— Ага! Выписывают! — чуть не хором ответили мы.

— Правда? — повернула голову рыжая Маринка.

— Да! Завтра утром будем на свободе! — парировала Танюха.

— Поздравляем, — сказали девчонки и поникли. — Нет, мы, конечно, рады за вас! Нам бы ещё за себя порадоваться...

— Так сказали, что многих сейчас выпишут...

В столовую зашла докторша. Перечислила всех сидящих по именам, а потом добавила «готовьтесь к выписке».

Нам впору было всем плясать! Сегодня мы не могли наговориться и напрощаться.

— Может, бутылочку раскатим? Когда ещё свидимся? Тут, как на войне, побывали. Боевые товарищи, так сказать, — предложила кудрявая Алёнка.

— Да... неплохо бы. Только времени-то смотрите сколько — нас уже не выпустят из здания, — заметила Шурка.

— А жаль! Пошкودили бы на прощание... — сожалела Маринка.

— Ага... Тут одна целую неделю втихаря пила. Так узнали — такой скандал был, её сразу и выгнали! — рассказывала наша рыжуха.

— Ничего себе — сразу! Неделю ведь пила! — раздался дружный смех.

Хохоток пробежался по столовой и затих в соседних боксах. Вечер пролетел незаметно. На город опустилась ночь. Я накормила Варю, и решила отнести пустую бутылочку в комнату, где потом мылась и дезинфицировалась эта посуда.

Мне пришлось миновать несколько коридоров прежде, чем я попала в нужное место. В последнем — не горела лампочка. Я шла быстро. Вдруг из темноты послышался какой-то шорох, и чей-то голос сказал:

— Опять ты?! Эй, мамочка из 21-го бокса? Так ведь?

Я вздрогнула от неожиданности:

— Да, я это.

— Ты когда-нибудь спишь? Всё время у тебя какая-то работа. Отдохнула бы. Как ни погляжу — то ты пол моешь, то с ребёнком занимаешься, то вон с этими бутылочками носишься... — говорила старая санитарка, спящая на диванчике возле входных дверей.

— Так ведь всё надо что-то, — ответила я и прошла дальше.

В комнате, в которую сносили все бутылочки, горел свет. Я положила свою в общий таз и пошла обратно в бокс.

Утром была беготня. Все носились по больнице. И я в том числе.

— Бокс помойте. И стены в нём тоже, — зашла к нам санитарка.

Она ушла, а мы дополнили: «Ага — щас!».

Не успели захлопнуться двери палаты, как в боксе появилась молодая медсестра.

— За вами муж приехал, — обратилась она ко мне. — В коридоре ждёт. Вот — одежду на выписку привёз, — поставила на стол большой пакет. Не дожидаясь меня, она стала доставать вещи из куля и одевать Варвару. Я же начала готовиться к выписке: накрасила глаза, заплела косу, переделалась... Успела за десять минут.

— Уезжаете уже? — прибежала откуда-то Танька.

— Да. Всё, слава Богу.

— А я так только после обеда. Пойдёмте, провожу.

Мы шли по общему коридору, озаренному тёплым светом. Алёна несла Варюшку, я и Танька бежали рядом.

Вадик ждал, переминаясь с ноги на ногу.

— Держите дочку, — произнесла Алёна, передавая её в руки мужа.

Он весь покраснел и сказал: «Я боюсь».

— Держите-держите, — ещё раз повторила медсестра. Он взял. Я подала конфеты и Шампанское. Мы обнялись с Танькой на прощание, поцеловались, нашу семью сфотографировали, и мы отправились на выход.

По ступенькам муж шёл осторожно, боясь поскользнуться и упасть. На улице нас ждала машина. Я первый раз за месяц вышла на воздух. Казалось, что он меня опьянит. Было ощущение, что я попала в другой мир. Вадя сел на заднее сидение с нашей малышкой, а я — вперёд.

Мелькали дома и проспекты, рекламные плакаты и вывески. Всё светило и говорило о весёлой жизни. «Вот она — жизнь! Красивая, счастливая, здоровая! Вот такой она должна быть», — думала я, сидя в кресле автомобиля. Месяц заточения прошёл. Теперь всё будет хорошо. Никаких уколов! Никаких процедур! Я ликовала! Я дышала полной грудью. Из замкнутого пространства, мира боли и нервозности я попала в страну свободы. Правда, свобода эта оказалась достаточно мнимой.

Глава II. Покой нам только снится...

*— Ты помни: время — лекарь,
но если действие пойдёт наоборот,
то этот врач народный станет зверем
и облачится, не пойми во что.
Бывает, что лекарство лечит.
Но нужно меру знать и не перегибать.
А ты, несчастный, просишь быть без гнева.
Но разве прав ты? Отвечай! Ты прав?*

Мария Хаустова

Мы приехали домой. Двери моей квартиры открыла Танька, в другой комнате нашу семейку встречали её муж и дочь. Я была приятно удивлена — они всё прибрали, приготовили поесть, истопили печь...

Небольшое помещение дышало теплом и свежестью, а деревянные окна обрамляли красивые жёлтые шторы, о которых я так когда-то мечтала. «Дарю», — сказала Таня. Всю квартиру сестра украсила яркими воздушными шарами. Мне было настолько приятно, что я светилась от счастья. Для Вари родные приготовили кроватку, в которую сразу её и уложили. Моя доча была настолько маленькой, что люлька казалась пустой. Малышка, как горошинка, пряталась под одеялом.

— А где мама? — спросила я Таню.

— Она заболела. Поэтому не пошла.

— Ой, какая хорошенькая! Можно я её подержу, — просила племянница.

— Нет, она ещё слабенькая. Да и ты ещё мала для этого.

Варя тихо спала в своей кроватке. Мы пошли на кухню. Танька не переставала меня разглядывать.

— Господи! Как ты похудела! Ты же просвечиваешь!

— Ещё бы!.. На двенадцать килограмм...

— Бедняжка, похудеешь там!..

— Да уж... Я и представить не могла, что у меня! У меня! Будет депрессия...

— Никто не мог. Так вышло. Ты молодец, ты у нас сильная.

— Я не могла по-другому, это же мой ребёнок. Я за неё в ответе.

— Ты права. Ладно — отдыхай. Мы позвоним ещё.

— Юлька, одевайся! — крикнула Таня дочь.

Они ушли. Мы остались втроём. Вадик долго всматривался в моё лицо, а потом сказал:

— Милая, у тебя лишь нос да глаза остались... Как ты всё выдержала?..

— А по мне не заметно? — спросила я.

Он посадил меня к себе на колени и обнял. Казалось, что сердце сейчас выпрыгнет из моей груди. Но не от того, что я так соскучилась и была рада его видеть. Нет. Не от этого. Я в ту минуту вообще не могла себя понять. Было ощущение, что меня обнимает чужой человек. Я не испытывала к нему никаких чувств. Это от обиды? От того, что ему не довелось пережить, что и мне? А может, когда рождается ребёнок, любовь мужчины и женщины умирает, возрождаясь в нём? Что случилось? Почему так пусто и гадко? Что?..

Я смотрела в его глаза и не видела того огонька. И в моих глазах его тоже не было. Потух? Угас? Куда он пропал? Всё забито нервами и истошными воплями обиды и непонимания. Я

устала. Я не хочу любить за нас обоих. Я не хочу куда-то рваться. Я хочу упасть на чью-то грудь и рыдать. Хочу, чтобы меня успокаивали и говорили, что «всё будет хорошо». Я хочу встать за сильную спину и идти за мужчиной след в след. Я хочу, чтобы вёл он, а не я.

День пролетел незаметно. Меня никто никуда не дёргал. И мне некуда было спешить. Самое главное, чтоб смесь была наготове — я решила дать себе отдых и кормила ребёнка молочной смесью. Отдых, правда, не получился. Каждые три часа нужно было вставать, наводить смесь, потом остужать её и выпаивать всё Варю. Первые три дня были великолепны. Вадик вставал утром рано, затапливал печь, носил воду. Я в это время управлялась с ребёнком. Красота! Правда, одной ночью он меня всё-таки рассмешил...

Я проснулась от Вариного крика. Она была вся сырая. Я ткнула мужа локтем в спину и прошептала, чтобы он принёс воды. Сама, чтобы успокоить ребёнка, начала её кормить.

С полуоткрытыми глазами Вадим скрылся за дверью и пропал. Варюшка выдула почти всё молоко и, как пузырь, качалась на моих руках, а я в ожидании помывочного процесса следила за появлением мужа, отправленного за тёплой водой. Он вошёл с невозмутимым видом и целой бутылкой смеси.

— На, — благоверный протянул мне пузырёк.

— Зачем? — хихикнув, спросила я.

— Ну, ты же просила...

— Я просила воды, чтобы помыть ребёнка, а ты принёс молока. Вон у меня в запасе и так целая бутылка!

— Да? — удивился он. — А я подумал, что надо смеси...

— Иди, наливай воды! — засмеялась я.

Так и блуждали полночи. Родители...

Правда, моя спокойная семейная жизнь скоро закончилась. На четвёртый день нашего пребывания в родном доме муж покинул меня. Он просто не пришёл на обед, затем — на ужин, а потом — и ночевать.

На улице стоял мороз. Ветер продувал весь дом насквозь, и в помещении становилось прохладно. Варя постоянно писалась, я часто меняла пелёнки и стирала бельё. Вода в бочке закончилась, а чтобы её принести, нужно было идти за несколько кварталов на колонку. Дров в доме тоже не осталось. Газ закончился. Мне хотелось рвать на себе волосы — я осталась одна с малюсеньким ребёночком в ужаснейших условиях. Я — заложник обстоятельств. Мне даже некого попросить посидеть с малышкой, чтоб спокойно сходить за водой или дровами.

Родным о поступке мужа мне сообщать никак не хотелось, а просить соседей было неудобно. Единственная подруга Юлька жила в другом городе и ничем не могла мне помочь. Если только морально. Я позвонила ей и зарыдала в трубку.

— Юлька! Что мне делать? Юлька!

— Что случилось? Ма-ша-ня! В чём дело?

— Он ушёл от нас. Бросил. Ничего не сказав, ушёл. Я одна с ребёнком в холодном доме осталась.

— Позови Таньку, пусть она с Варюшкой посидит, а ты переделаешь пока все дела.

— Думаешь?

— Да.

— Опять она будет язвить чего-нибудь...

— А ты не слушай. Вспоминай психологию: представь, что смотришь не на неё, а в аквариум — пусть лучше рыбки плавают, да пузырьки идут. Она тебе твердить что-нибудь начнёт, а ты ей в рот смотри и представляй, что оттуда рыба выплывает! — смеялась подруга.

— Хорошо... Постараюсь, — вздохнула я.

Выхода не было, и мне пришлось это сделать. Сестра примчалась быстро. Я схватила вёдра и пошлёпала за водой...

Голубое небо отливало прозрачным и чистым светом. Струйка воды медленно вытекала из крана колонки. Я набрала вёдра до отметки «10л» и побрела домой.

Сняла с вешалки мужнину фуфайку и, накинув её на плечи, пошла в сарай. Набрала там охапку дров и потащила их домой. Еле растопив печь, смотрела, как огонь бежит по поленьям, поджигая на нём новые занозы. «Слава Богу! — присела я после этого на диван. — Наконец-то со всем справилась...»

— Ма-аш! — кричала из кухни Танька, допивая чашку чая и ставя её на стол. — Я смотрю, ты всё? Побегу тогда восвояси!

— Давай! — ответила я. — Спасибо за помощь!

С облегчением я откинулась на спинку дивана: всё-таки самое необходимое у меня теперь имелось! Вскоре в квартире стало тепло и сухо. Варя лежала в своей кроватке, а я — в своей, и тупо смотрела в потолок.

«Чего ему не хватает? — думала я. — Я всё ему прощаю. Всё позволяю. Набрал кредитов, дома не помогает... А может, он от ребёнка устал? Вот тебе и «хочу нормальную семью...» Слезы выкатились из глаз моих и долго сползали по щеке. «Солёные», — подумала я, слизнув одну из них. «Да что мне муж? Неужели я сама не справлюсь?! — восторжествовал во мне воинственный дух. — Ещё ни одна баба без мужика не пропала! Это они спиваются, бомжуют, умирают под заборами. А мы из другого теста! Бог подарил мне дочь, и я её сохранию!»

Вадима не было пять дней. За это время я обзвонила всех его знакомых и друзей. Его нигде не было. На шестой он всё-таки появился. От него тащило перегаром. Весь грязный, вонючий и, как обычно, с поникшей головой и умоляющим взглядом, явился ко мне.

— Вот — Бог, вот — порог! — выставила его вещи в коридор.

— Маша,пусти! Я больше так не буду. Честно, последний раз было, — произнёс мой нерадивый муженёк.

— Последний раз, говоришь?! — не унималась я. — Последний раз был 18-го декабря. Забыл? Это был твой последний шанс. Я более не намерена этого терпеть. Я подаю на развод! И будь, что будет!

— Но я же тебя люблю!

— Какая-то странная у тебя любовь получается! Разве можно любимого человека на произвол судьбы бросать? Издеваться над ним? Думаешь, раньше всё терпела, так и сейчас стерплю? Нет. Хватит. Я достойна большего. Мне столько пришлось пережить и испытать, а у тебя даже и малейшего сострадания ко мне нет! Не ценишь ты меня совсем и не уважаешь, так хоть бы ради дочери себя по-людски вел! Нет же — друзья важнее!

Я выгнала его. Он ушёл. Куда? Не знаю. Прошло две недели. Он вернулся. Хотел со мной помириться. Я остыла. Остыла от любви к нему. От обиды. Я не хотела смотреть на него, слышать его голос не могла. Всё прошло. Разочарование погубило любовь и её уже не вернуть. Раньше я возносила его на пьедестал, хвалилась им перед подругами, но что-то произошло и всё пошло не так.

Насыщенный туман похож на смог, иногда они не различимы. Человек меняется, но как заметить ту грань, которую он преступил, чтобы это произошло? Ведь это такая тонкая черта. Она делит временной отрезок на «до» и «после». И это «после» меня совсем не устраивало.

Он умолял меня о прощении, но я была неумолима. Моё весомое и твёрдое «нет» резало его слух, а я гордо смотрела ему в глаза и продолжала:

— Если ты не можешь меня любить, заботиться и быть рядом — отпусти...

— Но я люблю тебя, — уверял он.

— Ты любишь только одного человека — себя.

— Ты говоришь так, потому что у тебя кто-то есть! — озлобленно и с обидой произнёс муж.

Я стояла в недоумении и ещё с большей обидой кричала на него:

— С ума сошёл? Куда я денусь от такого маленького ребёнка? Как тебе вообще такое в голову пришло? Сам не чист?!

Его глаза покраснели, а выражение лица приняло угрожающий вид. На газу стояла большая кастрюля с только что сваренным супом. Эта еда ушла бы на несколько наших обедов. Денег как всегда не хватало: я в декрете, а он и вовсе не работал, и эта пища была единственной в нашем доме. Схватив ту самую кастрюлю, Вадим запустил её в потолок. Картошка, капуста, курица — всё это разлетелось по всей кухне. Сырая ковровая дорожка теперь приобрела жирноватую плёнку, на кухонном уголке появились расплывчатые пятна, а я просто стояла и обтекала этой массой.

Я боялась произнести слово, но понимала, если промолчу, он завладеет ситуацией, и мне будет не справиться с ним вообще. Варя в это время спала в другой комнате и, странное дело, ничего не слышала.

— Вадик, ты что делаешь? Совсем оборзел? — повышая голос, обратилась я к мужу.

— Суп, суп, опять суп... Сколько можно его есть?! Ты совсем не умеешь готовить! Который год с тобой живу, и всё одно и то же! Этот проклятый куриный суп! — кричал он на меня.

— Ах, тебя суп мой не устраивает? Да?! Я бы тоже лучше гуляша да чего повкуснее поела, но на что? На что, если ты никогда в своей жизни не рабатовал, а если такое и случалось, ты или сбегал с работы, или слишком быстро уставал, или отношение тебе там не нравилось. Итог один — ты не приносил домой ни копейки! Я в декрете! Мы живём в месяц на 4200 рублей! Радуйся, что хоть суп есть! — не успела я это договорить, как в меня полетел стул.

Увернулась. Тогда разъярённый муж взял в руки стол, и со всей дури кинул его куда-то в сторону. Тот развалился, и его части оказались в разных углах. Более я этого выносить не могла. Но как быть — Варя ещё спит, он стоит в проходе, и если я даже захочу её взять, он мне не даст этого сделать. Открыв тугие, деревянные двери, я, в чем была, пошла к соседке.

— Заходи. Чё, поссорились? — стояла она у плиты.

— Да не то слово, — заплакала я. — Не вернусь больше. Хватит. Надоело. Сколько ж можно-то! Как я устала!

— И правильно! Разводись! Я дак бы на твоём месте давно уже это сделала. Ты посмотри, как он к тебе относится: денег не даёт, с дочкой не помогает, по дому ничего не делает. Ну, зачем тебе такой мужик, когда ты сама должна ходить за два квартала за водой, таскать дрова, да мало, что таскать, ещё и заготовливать! Ты же даже печку сырыми дровами топишь! Разве у нормального мужика в хозяйстве сырые дрова?! Ему наплевать, как ты будешь с ребёнком!

Понимая, что Ленка права, я сидела молча. Потом скинула ноги с дивана и пошла домой. Собрала сумку, одела спящую Варю и пошла к маме. Колёсики детской коляски плохо ехали по взбившемуся снегу. Я так устала и выбилась из сил, что хотелось сесть посреди дороги и плакать. Капельки пота то и дело скользили по моему лицу и убегали куда-то в область шеи. Я шла дальше. Толкая коляску вперёд, я наткнулась на красную банку, которая снова затормозила наше движение. «О-о-о, сколько ж можно-то! — ругалась про себя я. — Ещё не лучше — колесо отвалилось!»

С сумкой и Варей в одной руке, с коляской — в другой, я дотащила до назначенного места, но, как назло, никого не оказалось дома. Ключ, как и в прежние времена, лежал на старом шкафу, который давно выставили в общий коридор: дома не нужен, а выкидывать жалко. Встав на цыпочки, я дотянулась до ключа и, зажав его в своей руке, подошла к замку. Открыла дверь и прямо в обуви прошла с ребёнком в комнату. Положила Варюшку на кровать, а сама

рухнула рядом. Солёные капельки хлынули из моих глаз, вопросы «почему?» и «за что?» не находили ответа в моей голове. Сердце сжалось и ныло с такой силой, что хотелось свернуться в клубок и почувствовать чьи-то тёплые объятия. Но это всего лишь мечты и эмоции. Ничего подобного в ту минуту со мной и быть не могло. Варя закричала во весь голос — жарко стало. Развернув одеялко и вынув свою принцессу из пелёнок и одежды, я поднесла её к окну. Высокая берёза стояла вся в снегу и шевелила кружевными ветвями.

— Смотри, какое деревце, — говорила я дочке. — Когда я была маленькой, как ты, моя мама мне так же показывала его, и я успокаивалась. Моё милое создание пилькало глазками и ничего не понимало.

Смеркалось. День близился к концу. Вскоре входная дверь открылась, и в ней показалась мама.

— Ой, кто это у нас? Какие хорошенькие здесь девочки, — заигрывала с Варюшкой мама. — А какие маленькие пальчики, а какие большие, чёрные глазки... Маша, что случилось, — как бы между делом произнесла мать.

— Мы поживём у вас...

— Почему?

— Не могу больше его видеть. Наверно, я разведусь.

Мама промолчала, а потом добавила: «Подумай. Не руби сгоряча».

А я про себя подумала: «Знала бы, о чём ты говоришь...»

На кухне все зашкворчало и зажурчало, послышался звук кипящего супа. Да-да, супа! Я с такой радостью поела у мамы куриного бульона, что она покосилась на меня и спросила, сколько я не ела.

— Недолго! Всего лишь сутки!

— Сутки?! Как сутки? Тебе нечего было есть? Почему ты сразу не пришла ко мне?

— Да, мама, сначала я подумала, кому нужны мои проблемы, а, когда стало совсем невозможно, как видишь, я пришла сюда и сижу, ем твой вкусный суп.

— А Варя?

— А что Варя? У Вари молочная смесь на все случаи жизни. Ты забыла? Она сейчас питается только ей.

— Ф-ф-фу, — вздохнула мама.

— А где Танька? — старалась я перевести разговор на другую тему.

— Танька... Она сейчас с работы придёт, Юлька в школе, Сашка вчера в Череповец уехал. Поругались они.

— Опять?

— Да, как обычно. Не знаю, что на него нашло. Видно, захотелось снова холостяцкой жизни, а эта, глупая, всё терпит.

— Ой, мама, и как у нас так у обеих складывается всё в жизни неудачно. Что у Татки, что у меня...

Я доела суп и хотела приниматься за второе, как входная дверь распахнулась, и в ней показался сначала красный рюкзак, а потом и сама Юлька.

— Приве-е-ет! Машенька, я так рада! Приятного аппетита. А Варя где?

— Почивает твоя Варя.

— Да? Ну, я тогда с вами поем пока, а потом к Вареннику побегу.

— Мой руки, и садись за стол, — отправила мама Юльку к умывальнику.

— А у меня ведь сегодня двойка по матре, — ныла из ванной племяшка. — Бесит эта училка! И ведь всё из-за чего?

— Из-за чего? — подхватила мама.

Та, всхлипывая, продолжала: «А из-за того, бабушка, что я просто в рюкзак за линейкой полезла! Видите ли, всё должно на парте лежать ещё с перемены! И двойку влепила!»

— Иди, давай, ешь, отличница! — позвала её мама.

Та сидела раскрасневшаяся за обеденным столом и, вытирая, слезливые глаза, предложила мне: «Маш, а оставайся у нас, я по Варе так соскучилась!»

Как ласковая кошка, она обвила мою шею своими маленькими руками и поцеловала меня в щёчку.

— Ах, ты, подлиза, — с улыбкой прошептала я. — Мы и так останемся, поживём у вас.

— Ура-а-а! — закричала Юлька.

— Ага, Дядя Фёдор приехал! — засмеявшись, ответила я на её возглас.

Постель нам с Варюшкой сделали в маминной комнате. Диваны стояли настолько близко, что был слышен каждый вздох. Маме к восьми утра нужно было вставать на работу, а посему она легла раньше всех и... захрапела. На город опустилась ночь, но тишина не наступала. Звонкий храп раздавался на всю комнату, и, казалось, он не прекратится никогда.

«Ма-ма, — шёпотом произнесла я. — Ма-ма...» Она не слышала и продолжала дальше. Так как я лежала рядом, моя рука с лёгкостью могла до неё дотянуться. В одно мгновение я вытащила подушку из-под храпящей головы. Затихла. Потом матушка заворочалась и долго не могла нащупать подушку. Я прищурила глаза и сделала вид, будто сплю. Мамуля приподняла голову, обвела меня взглядом, схватила подушку с пола и затащила её на прежнее место. «Всё. Теперь можно спать», — с радостью подумала я. Но не тут-то было. Не прошло и двух минут, как моя Богиня захрапела снова.

Я встала с дивана, подоткнула одеяло Варюшке под бок и пошла на кухню. Достала из сумки свой ноутбук, положила его на стол и включила. «Привет, Интернет! Я иду к тебе!» — пронеслось в моей голове.

Множество социальных сетей, в которых я была зарегистрирована, открывали мир эмоций. Когда я кликала по разным ссылкам, писала смс-ки и смотрела разные посты, казалось, что я совсем не одинока, но как только закрывала крышку ноута, понимала — вся эта ирреальность не даёт абсолютно ничего, кроме иллюзий и фальшивого чувства кому-то нужности.

Кому не хочется чувствовать себя нужным, особенным, неповторимым? Это приятное чувство должно присутствовать в жизни каждого. И я не была исключением, мне тоже этого хотелось. Зайдя «В контакт», ни с того, ни с чего вдруг выплыла ссылка «Topface». А дай-ка зайду...

Я кликала стрелочкой на разные вкладки, окна и наткнулась на... сайт знакомств! Очень быстро мне стали приходить сообщения от разных мужчин, но все они были стандартны и не интересны. Своего рода заготовки, которые может отправить любой человек кому угодно. Я уже хотела уходить с этого сайта, как значок «Входящие сообщения» замигал снова. Пользователь «Azimschumann» прислал мне весточку: «Mariam i like you». Хм... Интересно. Кто это? Англичанин, американец, грек?

Его кудрявые волосы свисали чуть ли не до плеч; большой, красивый нос и зелёные-зелёные глаза впечатляли своей выразительностью. Это как-то необычно. Да кто бы он ни был, развею скуку. «Hi! How are you?» — напечатала я ему и нажала на кнопку «отправить».

Смс-ка мигом ушла, а я сидела и ждала, что будет дальше. Интерес рос и, елозя на стулике, я нетерпеливо обновляла страницу, — а вдруг что-то уже пришло?! Но ничего не приходило. Я плюнула и отправилась бродить по просторам Интернета дальше. Модные платья, писк сезона... Мда... Таких и не носить-то никогда. Так... Мечты. А что? Некоторые мне бы подошли...

Время шло, стрелки часов бежали по циферблату, и вскоре пробило два ночи. Какая-то непреодолимая сила потянула меня вновь зайти на ту страницу и посмотреть сообщения. Точно! Там всплыла туземская смска: «Merhaba my darling! You beautiful! You nice!» Мне, конечно, было приятно. Но, учитывая, что я учила немецкий, прочитать по-турецки и по-

английски в одной строке, было тяжеловато. На это я сказала: «Please write Russia». «No problem», — ответил он.

В следующей строке уже было написано: «Ты так мне нравится. Мёд моих очей. Мой султан». Я долго соображала, что за султан? Что это значит? Я же не мужчина. В самом деле... О чём это он? Несмотря на то, что я не совсем понимала, что именно он хочет сказать, общение наше продолжилось. Меня увлекало. Оказалось, что ему 34 года, живёт в Стамбуле и содержит свой интернет-салон. Верить ему или нет, я не знала. Но ради прикола пообщаться было можно. Он засыпал меня комплиментами, говорил, что красивее женщины, чем я, он в мире не видел. Меня это опьянило. Я рассматривала его фотографии и ждала новых смс.

«Mariam Skype?» — поинтересовался он о наличии этого Интернет-ресурса. Я же не знала и даже не представляла, что это. Он начал объяснять, что посредством скайпа можно говорить и видеть друг друга, да ещё и бесплатно. «Здорово. Нужно срочно такой установить», — решила я.

Сказано — сделано. Минута, и я уже роюсь в поисковике, как правильно наладить эту программу. Получилось довольно-таки быстро. И, что интересно, нашли друг друга в одно мгновение, а вот кнопку вызова нажать было страшно. Я всё выключила и пошла спать. Комната по-прежнему звенела храпом, но он уже мне не мешал. Я прилегла к Варе и смотрела в потолок: «Странное дело, мой родной муж, самый близкий человек, который должен меня возносить до небес, почитать, уважать и всё делать для того, чтобы я и ребёнок были счастливы, унижает меня, позорит, оскорбляет, выгоняет из дома, а мужчина, который видит меня только по фотографии и вообще обо мне ничего не знает, говорит о том, что не мыслит жизни без меня. Разве я могла такое услышать от своего Вадима? Фу! Так и стоит в ушах его противный голос: «Опять этот суп сварила!»».

Ночь брала своё, мои веки закрывали глаза, и я отпускалась в Царство Морфея. По белому полю, укутанному снежным покровом, я убегала от какого-то огромного зверя. Мои ноги утопали в снегу, и не хватало воздуха бежать дальше. Я упала лицом в сугроб и, слыша, приближающееся ко мне животное, пыталась не дышать. Было так страшно, что не могла проронить ни звука. Казалось, мой голос куда-то исчез и, если я захочу что-то сказать, у меня ничего не выйдет. Тёплые, большие ноздри коснулись моего уха, и пышущее жаром тело, заслоило меня полностью. Я осмелилась и подняла голову. На меня смотрели чёрные глаза гнедого. Он наклонил свою голову ко мне и дал себя обнять. Я проснулась. Какой конь? К чему снится конь? На часах было три утра. Значит, я спала совсем недолго. Теперь, хоть спички вставляй. Поворочавшись в мягкой постели, я всё-таки задремала.

Яркое солнце разбудило своими лучами чуть свет. Мама увидела, что мои глаза открыты и сразу предложила:

— Чаю?

— Пошли, — отозвалась я.

На кухне лежал мой ноутбук, который мама в приказном тоне заставила убрать. Я повиновалась. Электрический чайник быстро вскипел, и чай был готов.

— Как спалось? — спросила мама. — Что снилось?

— Спалось не очень, кто-то громко храпел...

— Да? А кто, интересно? — с иронией ответила маман.

— Да есть тут одна... А вот приснился мне... конь.

— Конь? Защитник, значит.

— Хм... Интересно.

На кухню вбежала Юлька и сердито посмотрела на бабушку:

— Ну, ты и храпеть! Полночи из-за тебя не спала! Через стену слышно!

— Ну, так ведь это непроизвольно... — осеклась мама.

— А ты в следующий раз перед сном песни три-четыре спой, глядишь, и храпеть не будешь. Я об этом в Интернете читала, — предложила Юля.

— Ишь ты, какие все умные стали. Одиннадцать лет, а уже учит. Сопля! — ответила в своём стиле мама.

Юлька мельком посмотрела на меня и удалилась. Мама взяла сумку и пошла к дверям. «Ой, девки, туфля не налезает, помогите-ка... А где ложка для обуви? — спросила она. — Ну? Долго мне вас ещё ждать?!» Я присела на корточки и помогла надеть обувь. Пятка никак не залезала, и мне пришлось засунуть свой палец ей в ботинок. «Э-э-эй!» — вскрикнула я и вытащила пострадавшего из-под маминой пятки. Палец покраснелся и горел. Я по привычке сунула его под струю холодной воды. Прошло.

— Ну, ничего-ничего, — подбадривала меня с улыбкой мама, — зато ботинок напялили.

— Действительно, — возмущённо ответила я.

Юлька хихикала рядышком:

— Ага, а представь, если бы я ей надевала. У меня бы там вообще полруки осталось...

— Дуры, — ухмыльнувшись, беззлобно нарекла нас мать и скрылась за дверями.

Варя проснулась минут через пятнадцать после маминого ухода — поспать мне так и не удалось. Больной рукой я намешала молочной смеси, взяла Варюшку на руки и начала кормить. Сосок от бутылки она уже держала крепко, и мне не нужно было беспокоиться о том, сможет ли она наестся. Процесс шёл своим ходом, к нему мы обе с ней привыкли, и это стало уже обычным делом. Радовало, что всё происходит, как у обычных детей. Я держала Варину головушку на левой руке, а правой помогала ей справляться с молочным пузырьком. Юлька пришла посмотреть, как кушает её маленькая сестра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.